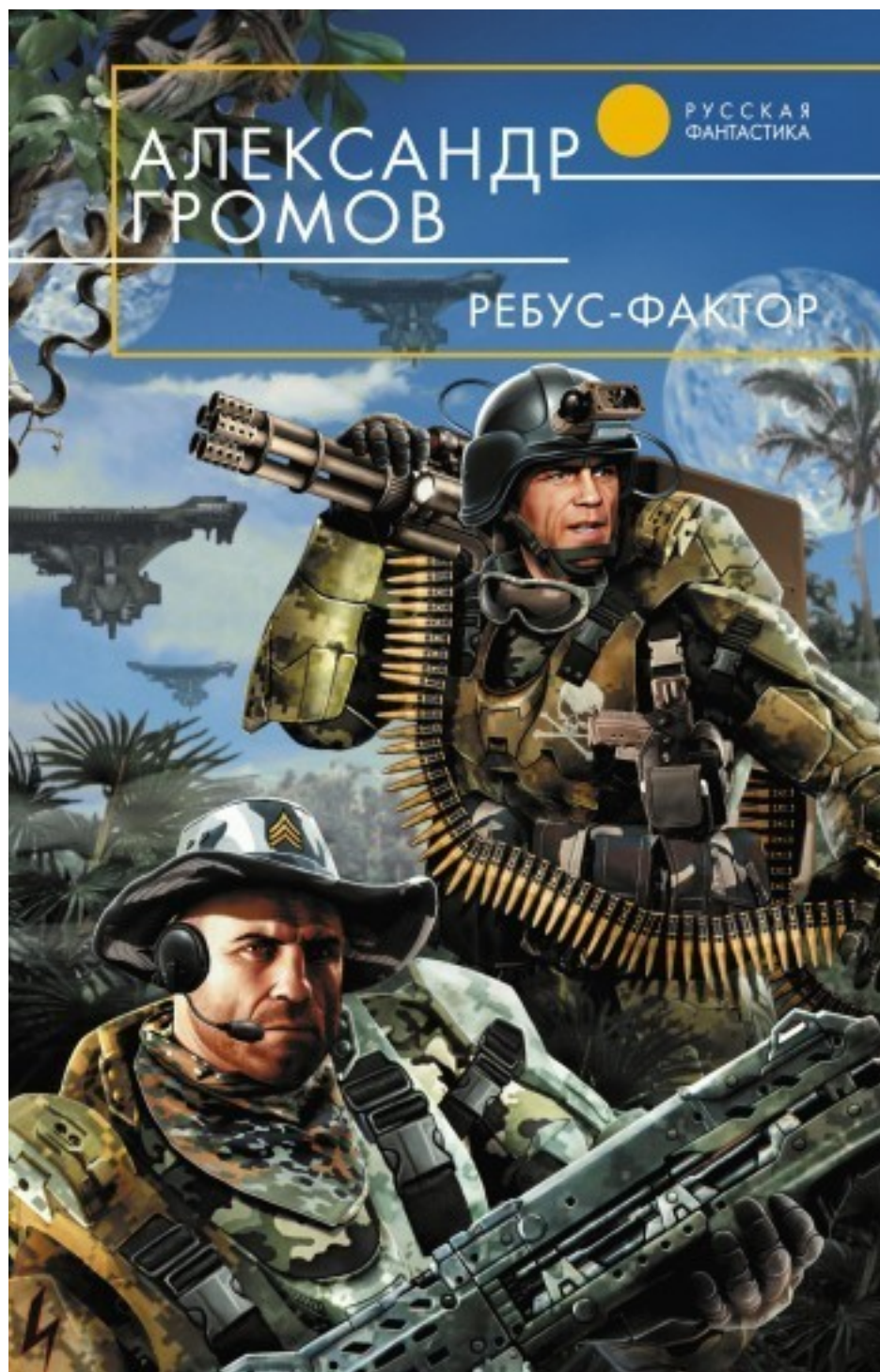

АЛЕКСАНДР
ГРОМОВ

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА

РЕБУС-ФАКТОР

Галактическая империя

Александр Громов

Ребус-фактор

«ЭКСМО»

2010

Громов А. Н.

Ребус-фактор / А. Н. Громов — «Эксмо»,
2010 — (Галактическая империя)

Богата и благоприятна для жизни людей планета Твердь, однако земляне презирают «грязных фермеров» – колонистов, а колонисты ненавидят землян, грабящих природные ресурсы их планеты. Кончиться это может только взрывом. Свободы! Свободы любой ценой! Как часто звучали эти слова в истории Земли! Теперь они звучат в Галактике. Война и победа... а что дальше? Стоила ли игра свеч? Никто не учится на чужих ошибках, и люди обречены вечно повторять их. Но, быть может, в том их счастье?

© Громов А. Н., 2010

© Эксмо, 2010

Содержание

Пролог	5
Часть первая	11
Глава 1	11
Глава 2	19
Глава 3	27
Глава 4	35
Глава 5	42
Глава 6	49
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Александр Громов

Ребус-фактор

Пролог

Несуразное угловатое чудовище появилось внезапно, одолев одним прыжком десяток световых лет. Только что на дальних задворках скромной двойной системы не было ничего, если не считать метеоритов, кометных ядер и космической пыли, – но вот пылинки вспыхнули, мгновенно сгорая под натиском гиперполя, рисунок созвездий исказился, и из разгоревшегося бледно-лилового зарева медленно выплыл устрашающих размеров монстр.

Для человека он был титаническим сооружением, но людей не было на его борту. А для двойной системы – желтого и кирпично-красного карликов – он был всего-навсего пылинкой, одним из множества многокилометровых тел на дальней периферии, не способных повлиять на параметры системы и решительно никому не интересных. Но если бы космические тела умели думать и если бы они думали именно так, то крупно ошиблись бы.

Вскоре лиловое зарево погасло, и звезды вновь заняли свои законные места. Осталась лишь рябь кривизны пространства, быстро разбегающаяся и затухающая. Некоторое время ничего не происходило, лишь потрескивал изъеденный космической коррозией угловатый корпус корабля, но кто бы услышал звуки в вакууме? Некому было слышать их и на борту, потому что приборы, диагностирующие состояние обшивки после гиперперехода, умеют лишь отмечать, но не слушать.

Затем включились двигатели, и колоссальная глыба корабля пришла в движение. Корабль не торопился, но и не терял времени. Его не слишком заинтересовал кирпично-красный карлик, но все же траектория полета была выбрана так, чтобы пройти в ста тридцати миллионах километров от него. Сканируя местные искривления гравиполя, чувствительные датчики корабля обнаружили возле карлика три планеты – маленькие, холодные и практически безатмосферные, как показало дальнейшее сканирование во всех диапазонах электромагнитных волн. Корабль вильнул с грацией мастодонта и направился к желтой звезде.

Возле нее он подзарядится для следующего гиперпрыжка. Но прежде исследует планеты желтой звезды и сбросит буй на ту из них, которая удовлетворит заданным критериям. Или даже два буйа, если планет, годных для колонизации двуногими прямоходящими, окажется две в одной системе, что встречается чрезвычайно редко. Гораздо чаще ни одна из обнаруженных планет не вписывается в установленные двуногими хозяевами рамки.

Гигантский корабль принадлежал к классу автоматических ботов-сеятелей. В его псевдоинтеллекте изначально была заложена борьба между стремлением к выполнению миссии в кратчайший срок и разумной осторожностью. Корабль дорожил своей целостностью и знал, какой объем его сверхпрочной обшивки уже изъеден космической коррозией. Внутренние области планетных систем, где только и можно обнаружить искомое, – настоящие ловушки для космической пыли, что работает в миллион раз эффективнее наждака, а способность к регенерации имеет свои пределы. Корабль не разгонялся – напротив, он снижал скорость. Его путь от кирпично-красного карлика до ближайших окрестностей желтой звезды продлился не одну неделю земного времени.

Четыре внешние планеты – два небольших ледяных шара и два газовых гиганта – были оставлены без внимания. Близ орбиты ближайшей к желтой звезде газовой планеты корабль вышел из плоскости эклиптики, подозревая наличие пояса обломков древних планетоидов, так и не ставших планетой. Очень скоро подозрение подтвердилось: пылинок стало гораздо

больше, и один раз в обшивку врезался мелкий осколок, не пробил ее и превратился в облачко газа. Приближаясь к желтой звезде, корабль все выше взмывал над эклиптикой.

Из трех планет земного типа, обращающихся вблизи желтой звезды и окруженных атмосферами, наибольший интерес представляла вторая, – однако корабль, прежде чем изменить курс, потратил несколько часов на анализ поступившей информации о первой и третьей планетах. Основа всякого успешного дела – добросовестность. Корабль понимал это не хуже своих конструкторов, подаривших ему псевдоинтеллект и псевдоличность с темпераментом упорного в своих намерениях флегматика. Пусть время идет, пусть сложны и энергетически невыгодны маневры – важен итоговый успех миссии, а не эти частности. Найти в системе планету, наиболее подходящую для существования на ее поверхности вида *Homo sapiens*, и сбросить на нее буй, после чего уйти в новый гиперпрыжок – и так далее, вплоть до финальной точки заданного людьми маршрута.

Корабль знал, что скорее всего он ее не достигнет. Теория вероятностей была против него. Он побывал уже возле двадцати двух звезд и сбросил девять буюв. Вне Земли и еще нескольких планет Вселенная мало пригодна как для жизни людей, так и для работы громоздких гиперпространственных кораблей с псевдоинтеллектом. Существовала исчезающе малая вероятность того, что корабль сможет посетить еще более сотни звездных систем и вернуться. Почти наверняка он должен был рано или поздно погибнуть либо от столкновения с каким-нибудь космическим телом, либо от неточности гиперпространственной навигации, что может выбросить его прямо в звезду, либо просто-напросто от физического износа. Об этом знали люди, пославшие корабль; знал это и он сам. Корабль умел опасаться, даже бояться, но никогда не впадал в панику и не мог представить себе своего существования в отрыве от порученной ему миссии. Всякая жизнь кончается смертью – человек может бесполезно протестовать против этой аксиомы, но в конце концов примирится с нею. Корабль – не станет и протестовать.

По мере приближения ко второй планете корабль узнавал о ней все больше. Спектроскопия выявила в атмосфере кислород... много кислорода! Кислородные миры – большая редкость во Вселенной. Корабль уже не отвлекался на исследование двух других планет. Он был почти убежден в том, что сбросит на планету буй. Только бы нашлась суша! Существовала теоретически очень малая, но ненулевая вероятность найти кислородную планету, сплошь покрытую водой. Буй не донная рыба и не моллюск – ему нужно больше даровой энергии, чем может предложить океанское дно.

Вокруг планеты кружились две маленькие луны. Корабль не нашел в них ничего интересного, он лишь рассчитал, что в ближайшие миллионы лет сложная картина гравитационных полей в двойной системе не приведет к падению лун на планету. Еще раньше он исследовал желтую звезду и согласился с мнением земных астрономов: звезда уже далеко не молода, но будет продолжать ровно светить еще два или даже три миллиарда лет.

Не торопясь, но и не теряя времени, корабль сближался с планетой. В расчетное время он отработал двигателями, немного погодя дал еще один тормозной импульс строго определенной силы и длительности – и вышел на довольно низкую меридиональную орбиту. Для установления физических условий на поверхности планеты десяти витков должно было хватить с лихвой.

Реально хватило семи. На восьмом витке от неосвещенной стороны корабля отделилось малое тело и, выйдя из тени, засверкало искоркой. Поймав искорку лучом, корабль направил ее к выбранной точке на поверхности планеты. Материки, океаны, горы, облачные фронты и циклоны, пустыни, леса и озера проплывали внизу, не возбуждая в умеющем чувствовать корабле никаких эмоций. Это был не его мир. Возможно, он не станет и миром двуногих прямоходящих. А возможно, и станет. Они сами решат, а задача корабля – всего лишь ввести буй в атмосферу так, чтобы тот не сгорел. Дальше уж он сам.

Покончив с этим делом, автоматический бот– сеятель поплыл дальше, удаляясь от планеты по гиперболе и приближаясь к звезде, чтобы, подпитавшись ее энергией, уйти в очередной гиперпространственный нырок. Ему еще предстояло выполнить много работы.

Там, куда упал буй, вспыхнул было пожар, но быстро погас сам собой. Влажные джунгли – не то место, где огонь может набрать силу и опустошить полматерика. Вокруг места приземления осталось стоять несколько обгоревших стволов, и только. Быстро успокоились лесные обитатели. Хищники вновь погнались за добычей. Добыча удидала либо пряталась. Длинная коротколапая ящерица, похожая на змею, заструилась по стволу, подбираясь к крупному насекомому. Чешуйчатый зверек, похожий на древесный нарост, сидел неподвижно, дожидаясь, когда ящерица окажется на расстоянии вытянутой лапы, в данную минуту сложенной в четырех суставах и плотно прижатой к телу. От пожара в лесу образовалась новая полянка, ну и что? Для молодых ростков, для семян, что еще не проросли, новая полянка вроде манной небесной. Здесь солнечные лучи достигают почвы. Не пройдет и года, как джунгли затянут ранку на своем пестром теле. Кто растет быстрее, станет деревом, удел остальных – прозябать. Так было, так будет.

У раскаленного шара, до половины ушедшего в мягкую красноватую почву, были, однако, другие планы. Некоторое время он потрескивал, освобождаясь от черной обгорелой корки. Остыв – начал видоизменяться.

Он растянулся в блин и, сокращаясь, как плоский червь, выполз из выбитой им ямы. Вскоре блин стал толще – буй поглощал грунт и перерабатывал его, наращивая массу и возможности. Вырастив лучемер, он выжег джунгли вокруг себя на расстоянии ста шагов. Зеленые лесные гиганты, полные влаги, пылали не менее ярко, чем уже обгоревшие стволы. Вместе со змееподобной ящерицей в ее желудке сгорело пойманное ею насекомое. Вспыхнул и свалился с горящей ветки чешуйчатый зверек, лакомящийся ящерицей.

Потом все стихло. Не получив подкрепления, угасло задушенное влагой пламя. На джунгли опускалась ночь, и покрасневший солнечный диск утонул в огромных клубках дыма, поднимающихся от выжженной пустоши. В полном безветрии дым лег на джунгли шляпкой гигантского, лишенного ножки гриба.

Большинство лесных обитателей бежало прочь. Звери уходили от беды, как не раз делали это прежде во время гроз, когда небо бросало на землю огонь. Никто не насторожился всерьез, как умеет настораживаться мыслящее существо, потому что на планете не было мыслящих существ.

Пока не было.

Не мыслил и сам буй. Более примитивный квазиживой организм, нежели галактический бот-сеятель, буй жил инстинктами, а не разумом. Инстинкт подсказал ему расчистить площадку. Инстинкт подсказывал ему теперь переждать ночь. За ночь дым рассеется, и с первыми лучами солнца надо будет распластаться по мягкому пеплу на всю площадь расчищенного места и заряжаться солнечной энергией, накапливать ее изо дня в день, чтобы быть готовым... к чему? Сейчас он и сам не знал. Но твердо знал, что так надо, и действовал методично и безошибочно. Ему незачем было понимать, что его время наступит лишь тогда, когда бот-сеятель из гиперпространственного нырка пошлет сигнал, который будет принят в метрополии.

День проходил за днем, и солнце в полдень жарило всю. Облачные дни и грозы не нравились бую, но они сменялись днями без единого облачка. Буй лежал на выжженной поляне, напоминая круглый ковер на арене колоссального цирка. Лишь самые безмозглые животные рисковали приближаться к нему, но даже они не смели притронуться к странной плоской твари. Это спасало им жизнь.

Наконец пришел день, когда буй почувствовал, что он готов. Центр ковра начал вспучиваться горбом, и к центру поползли края. Ковер съеживался, словно шагреновая кожа, но

не терял объема. Скоро он вновь стал шаром, но лишь на минуту. Какая-то сила заставила его сплющиться с боков, словно эритроцит или колесо без спиц, но с колесным диском, толстое колесо невиданного вездехода, способное повалить и искрошить в щепки любое дерево. Колесо, однако, никуда не покатилося и ничего не повалило. Прошла еще одна минута, и буй врос основанием в почву. Теперь он смахивал на надгробие без надписи, но размер надгробия напоминал по меньшей мере о слоне.

Шли дни, а вид буя не менялся. Дожди размыли пепел, и на расчищенной поляне начали появляться намеки на будущие джунгли – зеленые былинки, проросшие из взявшихся неизвестно откуда семян. Буй не реагировал. Он просто ждал.

И вожаемый миг настал. Буй ощутил сигнал извне и потянулся к нему всеми инстинктами, машинными и примитивными. Время пришло. Одна из плоскостей «надгробия» никак не изменилась, зато на второй проявилось круглое пятно полуметрового диаметра. По твердой, казалось бы, поверхности пятна пробежала рябь, и пятно стало бездонной дырой, освещенной изнутри бледным, похожим на коронный разряд, лиловым сиянием.

Первым оттуда появился небольшой механизм на восьми паучьих лапах. Взяв пробы воздуха, почвы и выдернув один из ростков в качестве биологического образца, он побегал по поляне, вернулся к «надгробию» и канул в лиловое сияние. Теперь сторонний наблюдатель сказал бы, что перед ним не надгробие, а скорее арка, дальний конец гиперпространственного туннеля, или попросту – Врата.

Некоторое время ничего не происходило.

Но вскоре из сияния в дыре боком, по-крабы, вылез человек в камуфляже, бронежилете, дыхательной маске и с короткоствольным импульсным лучеметом на ремне через шею. Посидел на корточках, вертя головой и стволом во все стороны, и осмелился привстать.

Вновь тщательно огляделся и позвал:

– Выходи, Марк.

Тот, кого звали Марком, уже торчал головой наружу из Врат – ни дать ни взять маленькая птичка, выглядывающая из громадного дупла. Теперь он тоже вылез, огляделся и, не заметив ничего опасного, приосанился.

– А ведь недурно, а? Воздух почти нормальный, и тяжесть совершенно земная...

– Сто два процента земной, – отозвался первый.

– Вот я и говорю: норма, почти комфорт...

– Зато жарко. Впрочем, сейчас полдень да еще лето. Как-то тут зимними ночами будет?

– Не замерзнут, Пит, – хмыкнул Марк. – Растительность-то тропическая. Значит, зимы теплые. Райское местечко. Через год здесь будет десять миллионов колонистов.

Петр, которого Марк звал Питом, понимающе ухмыльнулся. Они уже год работали вместе и научились понимать друг друга с полуслова. Прежде они находили удовольствие в подколках: «Завидуешь небось колонистам, а?» – «Да ты что, сдурел?» – но эти шуточки давно надоели. Лучше как следует смотреть по сторонам, чем зубоскалить. Первопроходец дорожит своим местом и не хочет, чтобы его списали в инструкторы. Управлять толпой первопоселенцев, сбивать бестолковое двуногое стадо в хоть какое-то подобие осажденного – именно осажденного! – лагеря, строить временные жилища и колючие ограды, вести осторожную разведку, терять людей, получая взамен крупницы бесценного нового опыта, бороться с эпидемиями, хищниками и глупцами, наказывать нерадивых, приобретая врагов, и медленно, но верно раздвигать, раздвигать границы лагеря – до водоема, до гор, до рудных месторождений и так далее, пока не появится уверенность: этой планете уже не стряхнуть с себя людей. Не романтика, а рутина. Что увлекательного в такой работе? Но так уже было, так еще будет.

Живи Марк и Петр в те времена, когда экспансия человечества в Галактику казалась далекой туманной перспективой, кто-нибудь из них, возможно, пошутил бы: «Люди нужны для того, чтобы правительства не знали, что с ними делать». В те годы Земля задыхалась от

перенаселения, и никакие лунные и марсианские колонии не могли решить проблему. Но уже более полутора веков динамика роста населения Земли оставалась устойчиво отрицательной. Один, максимум два ребенка в семье. Часто – ни одного. К чему рожать детей, если старость и так обеспечена?

История человечества полна парадоксов. Вот еще один: галактическая экспансия началась лишь тогда, когда население Земли и без того уменьшилось с девятнадцати до семи миллиардов человек. Быть может, кому-то в голову пришла тривиальная, но пугающая мысль: мало-помалу человечество может просто-напросто вымереть естественным порядком, так и не выйдя за пределы родной системы. Может, и так, но вряд ли. Скорее все-таки Объединенным правительством Земли руководили более прагматичные соображения. Поискать, нет ли в иных мирах чего ценного для Земли. Раздвинуть границы познания, что часто бывает полезно, хотя заранее не скажешь, как именно. А заодно сплавить с Земли балласт – ведь в семи миллиардах людей его почти так же много, как в девятнадцати. Балласта заведомо не бывает лишь в одном случае: когда человек на планете один-одинешенек.

Петр и Марк удалялись от Врат медленно, готовые чуть что открыть пальбу и, если не поможет, стремглав кинуться назад, в мерцающее лиловое сияние. Джунгли стояли зеленой стеной, окружали со всех сторон, давили на сознание. Буй, превратившийся теперь во Врата, мог бы выжечь площадку и километрового радиуса, но он был послушен программе, а программисты знали свою работу. Джунгли на землеподобных планетах всегда опасны, но их ближайшая перспектива – стать источником стройматериалов для первого поселка на этой планете. Нет нужды заставлять колонистов таскать лес-кругляк издалека – им и без того будет чем заняться.

В лесу было прохладно, темновато и очень тихо. Высоко над головой огромные деревья смыкали плотные кроны, и ни один прямой солнечный луч не мог пробиться к мягкой лесной подстилке. Остро и вкусно пахло прелью, невиданными цветами, чуждой, но похожей жизнью, но дыхательные маски не пропускали запахов. Если бы атмосфера была ядовита, сработали бы датчики хемоанализаторов, а безвредные воздушные примеси не интересовали первопроходцев. Куда важнее было следить за кронами – не свалится ли на голову какая-нибудь хищная нечисть? И если начнет валиться, успеть сбить ее еще в полете.

– Вроде тихо, – проговорил тот, кого звали Петром.

– Вроде тихо, – согласился кто-то рядом, причем тем же голосом.

Моментально присев, Петр сделал быстрый оборот. Никого.

– Ты слышал? – шепотом спросил он.

– Угу.

– Кто бы это мог быть?

– На стволе справа от тебя.

Безглазое и безногое существо, прилепившееся к коре, напоминало голого слизня длиною с предплечье взрослого мужчины. Петр брезгливо потыкал его стволом.

– Мерзость какая...

– Мерзость какая... – самокритично согласился слизень.

– Тьфу. Вроде попугая.

– Тьфу. Вроде попугая, – поддакнул слизень.

– Попка дурак!

– Попка дурак!

Если бы враждебные силы планеты готовили расправу над двумя пришельцами из другого мира, они не могли бы выбрать лучшего момента для нападения. Но ничего не произошло. Лишь кто-то мелкий прошелестел крыльями высоко над головами – не то птица, не то крылатая ящерица, не то крупное насекомое. Часовая прогулка по лесу принесла первопроходцам приятное разочарование – никто не напал и не пытался напасть. Правда, кто-то возился

высоко в ветвях, и один раз Марк с Петром не сошлись во мнениях касательно одной вдавлины в почве – след ли это крупного хищника? В целом же планета в этом месте казалась не опаснее африканских дождевых лесов или амазонской сельвы.

– Курорт, – вынес вердикт Петр.

– Вполне пристойный мир, – согласился Марк. – Можно запускать пробную партию.

– Что? А, пожалуй. Так и доложим.

Вернувшись к Вратам, они по очереди пролезли в сияние и исчезли, чтобы никогда больше не появиться на этой планете, уже числящейся под цифро-буквенным индексом в реестре Управления эмиграции, но еще не получившей собственного имени. Давать планетам имена – привилегия не первопроходцев, а первопоселенцев. Хотя бы потому, что им здесь жить, им воевать с планетой и гнуть ее под себя, им терять людей, дорого приобретая бесценный опыт. А еще потому, что они уже не земляне.

Часть первая

Школьник

Глава 1

Чего я не терплю, так это музыку и землеведение. Не будь этих предметов, ходить в школу не было бы для меня таким наказанием. Музыка хуже всего. Когда-то я без лишних слов лез в драку, если мне говорили, что у меня нет слуха и что мне толстопят оба уха оттоптал. То есть, конечно, я кидался на обидчика лишь в том случае, если им не была наша училка дама Фарбергам. И за буйство не раз имел «неуд» по поведению. Потом драться мне надоело, и я по совету матери стал просто-напросто игнорировать подколки недругов. Ну нету у меня чего-то, и что теперь – повеситься? Нет уж, пусть от этого вешается кто другой, а я пас. В конце концов от меня отстали все, кроме этой дуры Фарбергам. Она отстать не может. Наш народ, видите ли, исстари отличался певучестью, поскольку наши предки, пересекая необозримые степи в центре Большого материка, пели в пути, чтобы чем-то себя занять, и на привалах тоже пели, отчего проникались чувством единения людей перед лицом враждебной природы. Допустим, так оно и было, но я-то разве предок? Я потомок первых колонистов, причем потомок далекий. В музыканты не набиваюсь, в певцы тоже и ничего не имею против того, что дама Фарбергам не ставит меня в хор, а если и делает это во время какой-нибудь инспекции, то помещает меня в заднем ряду и велит только разевать рот, но ни в коем случае не издавать ни звука. Я так и делаю, чего ж ей еще надо? Нет, при каждом удобном случае она норовит унижить меня только за то, что я могу драться глотку как угодно, но только не по ее идиотским нотам.

Землеведение хуже ровно вдвое, потому что учебных часов по этому предмету вдвое больше, чем по музыке. Над учителем, господином Мбути, мы издеваемся, всякий раз стараясь довести его до истерики, но он ничего – психует, однако директору на нас не жалуется. Он безвредный, чего не скажешь о его предмете. Ну на что нам, спрашивается, знать, какие материка есть на Земле и какие проливы, какой высоты горы и какого плодородия почвы?! Еще хуже земная история. Изволь помнить, в каком году по земному летосчислению какой-то там Сципион Американский побил не то какого-то Ганнибала, не то какого-то Гарибальди! А у нас на Тверди, между прочим, свое летосчисление, и земляне нам не указ. И история у нас своя, и география, и зоология с ботаникой. Наши предки сошли с космического корабля «Земля» на станции Твердь, и мы не жалеем об этом. Чем мы хуже их? Тем, что они презирают нас за отсталость и выдумывают обидные анекдоты? Мы тоже можем о них выдумать не хуже. На что нам знания о планете, которая, видите ли, прародина человечества и которую вряд ли кто из нас когда-нибудь увидит? В Галактике уже десятки планет, на которых люди живут не хуже, чем у нас на Тверди, и еще сотни осваиваются. Неужели и там во всех школах зубрят высоту горы Эверест и причины Тридцатилетней войны? Очень может быть. Не вызубришь – провалишь тесты.

Или, например, король Генрих Птицелов. Чем болтать о нем, лучше бы предъявили чучело хоть одной из пойманных им птиц. Нет чучела – предъявите хотя бы одно перо. Не можете? Значит, я должен принимать на веру всякое вранье? Ага, я прямо в восторге. Причмокиваю, закатываю глаза и мычу от удовольствия, зубря то, без чего любой твердианин обойдется так же легко, как без грыжи!

А я так считаю: раз уж случилось такое несчастье, что Земля числится нашей прародиной, то и бери с нее только то, без чего нельзя прожить, а остальное и у нас не хуже. Твердь – планета разнообразная, а главное, она наша, а не чья-нибудь. На Земле считают, что это не так, но они

ошибаются, и придет время – мы им укажем на их ошибку. Так говорит мама, а она у меня боец. Сколько раз ее вызывали в школу по поводу моей успеваемости или моих драк, а она директору в ответ: «Вы обучаете людей. Если хотите успеваемости и послушания – займитесь эхо-слизнями, я только что видела одного на ветке. Они все повторяют и никогда не дерутся».

Если честно, то мои представления о Земле я черпал большей частью не из учебников, а из земной беллетристики в качестве бесплатного приложения к сюжету и интриге. Кое-что из написанного землянами мне нравилось, а из твердианской литературы – почти ничего. Ее и нет почти. И уж точно никто из наших не придумал героя вроде Фигаро. Вот этот парень – по мне, хоть и землянин. Кое-кто говорит, что это непатриотично, но плевать я на них хотел. А что до математики, то параллелограмм и логарифм означают у нас на Тверди то же самое, что на Земле. Или, скажем, правило буравчика и ковалентная связь. Некоторые доказывают, что у нас они должны быть особенные, твердианские. Когда я слушаю такие речи, то ничуть не жалею о том, что среди пород всяческого скота на Твердь не завезли ослов. Незачем. Они у нас и так есть. В большом количестве.

Но тридцать пятого марта 282 года нашей первой твердианской эры (мне лень переводить эту дату на земное летосчисление) возмущены были все в нашем классе – ослы и не ослы. Сначала мы, правда, обрадовались, потому что наш директор господин Ли Чжань заявил, что последних трех уроков не будет, а потом хором взвыли: оказывается, нас снимают с занятий не для того, чтобы распустить по домам, а вручат нам флажки и погонят на площадь махать ими перед министром по делам внеземных колоний. Он у нас с инспекционной поездкой. Прибыл с Земли позавчера, и в новостях только об этом и звенят. Визит, мол, высокого гостя, большая, мол, честь для нас, ну и тому подобный сироп. Я просто плюнул на пол, а мама велела мне вытереть пол тряпкой и впредь плевать вне дома, а еще лучше заняться чем-нибудь более полезным. «Все вы мастера мелко гадить, – сказала она, – и возмущаться, когда это безопасно, а на настоящее дело вас не хватает».

Я немного обиделся, а зря. Она была права.

Ну так вот. Мошка Кац и Глист Сорокин, мои приятели, сразу сказали мне, что ни на какую площадь не пойдут, а просто смоются по-тихому. Еще не хватало флажками махать перед всякой заезжей шишкой с Земли, да притом небось улыбаться и кричать что-то приятное гостю! Если не лезть на глаза, то можно уйти так, что никто не хватится. У кого там будет время нас пересчитывать! А в случае чего потом все вместе будем стоять на своем: были, мол, на месте, и все тут. Главное при разбирательстве этого дела не дать слабину, иметь оскорбленный вид и врать с честными глазами. Тогда поверят.

– Айда с нами, Ларс.

Я чуть было не согласился, но быстро передумал. Отсутствие Глиста заметят обязательно. Он хоть и сутулый, а все равно дылда и возвышается над нами, как башня. Господин Ли Чжань росточка невеликого, зато наблюдательный и памятный. Отсутствие башни он заметит обязательно, а там и до нас дело дойдет. Да и любопытно мне было: что это за высокий гость такой на нашу голову? Немного противно, но все равно любопытно.

– В этот раз без меня, ребята, – сказал я.

– Да ну, чего ты... Прорвемся.

– Не, я пас.

– Струсил, что ли?

За такие слова от меня и друзья-приятели по зубам получали. Мошка сразу понял, что сказал ненужное, и забормотал:

– Ну ладно, ладно... Шутка. Насчет нас гляди не проболтайся.

– Могила.

Короче, смылись они, а мы толпой человек в двести повалили на площадь. Она у нас большая и очень нарядная, по-старинному мощенная булыжником и с массой газонов, где всюю

произрастают цветочки, карликовые пальмы и всяческие кусты типа живых изгородей. Все это к визиту гостя аккуратно подстрижено, полито водой из шлангов, а на домах, что стоят вокруг площади, висят флаги и цветочные гирлянды. Приторно, но в целом красиво.

Наш город – зимняя столица Тверди, потому что летом у нас жарковато, а зимой в самый раз. Большой город, второй по величине на Тверди, двадцать две тысячи душ только городского населения, да еще в пригородах трижды по столько. Я-то как раз из пригорода, живу с мамой на ферме и ничуть не переживаю из-за того, что горожанин я чисто условно. Да и многие у нас считают, что города – это для неженков либо неудачников. В городе теснота и мало интересного, а на ферме – простор и воля! Хотя, конечно, работать порой приходится так, что спина трещит.

Ну, Врата, единственные на Тверди, установлены, понятное дело, не у нас, а в Новом Пекине, главной и летней нашей столице. Там миграционная служба и еще тьма всяких колониально-самоуправленческих учреждений. Новый Пекин гораздо больше нашего Степнянска. В учебнике твердеведения для начальных классов нарисована картинка: широкая улица и дома в шесть и семь этажей. Зачем такие? Но Глист там бывал и уверяет: все правда.

До нас довели, когда флажки раздавали: господин министр приехал к нам, чтобы встретиться тут с премьер-губернатором Тверди, хотя тот выражал готовность прибыть в Новый Пекин и избавить гостя от путешествия. Но министр настоял. Наверное, новенький. Мама сказала как-то, что каждый новый министр колоний начинает с того, что осчастлививляет визитами галактические владения Земли и знакомится с ними, на что у него уходит год, а то и два. Потом еще столько же времени он пытается осмыслить проблемы колоний, а там, глядишь, правительство уходит в отставку, назначается новый министр, и все идет по кругу.

Мне это сильно не понравилось. Владения Земли, да? А много ли она, Земля, для нас сделала?

Впрочем, ладно. Доконвоировали нас до площади, построили в четыре ряда за канатами на ее краю. Гляжу, учеников из других школ тоже вывели приветствовать министра, даже младшие классы. Еще здесь студенты политеха, рабочие с металлического завода и совсем немножко просто зевак. Стоим, ждем, переминаемся с ноги на ногу, теребим флажки в руках. Я в первом ряду, мне трибуну хорошо видно, хотя и сбоку. Время идет. Вдоль канатов прохаживаются полицейские в шлемах, но больше для проформы, потому что их всего ничего и толпу им нипочем не удержать. Да только не придется удерживать, и они это знают. Кому он здесь нужен, этот министр!

Наконец опускается прямо на площадь правительственный летающий экипаж, чуть пальму не сбил, и два здоровых лба в униформе быстро-быстро катят к нему ковровую дорожку. Оркестр заиграл древний марш, а хор запел что-то там о пыльных тропинках далеких планет. Кто-то из наших даже приснул: хороши пыльные тропинки!

Ну, подбежал к правительственному экипажу холуй, дверцу открыл, и выходит господин министр. Помахал всем нам ручкой, улыбнулся в тридцать два зуба да и пошел по ковровой дорожке. Одет с иголочки, моложав, стрижка ежиком, шаг бодрый. Навстречу ему – наш премьер-губернатор. Встретились посередине ковровой ленты, пожали друг другу руки, а мы по команде проорали «ура» и затрясли флажками. Орали недружно, некоторые просто молчали, а кое-кто орал совсем не «ура» – но господин министр и господин премьер-губернатор предпочли этого не заметить. Немножко поспорили, кому идти первым, но премьер-губернатор настоял на своем и пошел по ковровой дорожке на шаг позади министра.

Сначала один с трибуны речь сказал, потом другой. Что-то насчет перспектив дальнейшего развития передовых форпостов человеческой цивилизации и необходимости совместно работать не покладая рук на благо общей цели. Скука смертная. Я зевать начал. Потом гляжу – сопливка лет семи к трибуне побежала с огромным букетом в руках. Чистенькая, розовенькая и одета, как манекен на той витрине центрального универмага, где детский трикотаж. Ну, значит, дело к концу идет: примет министр букет, обслюнявит девчонку, потом оркестр еще чего-

нибудь сыграет, а хор споет, подтверждая тезис дамы Фарбергам о том, что мы народ музыкальный и певучий, – и марш по домам. Авось не загонят опять в школу на последний урок. А флажок свой выброшу в урну – мне достался земной, а не твердианский. Наш я бы, пожалуй, сохранил, хотя он тоже на земной смахивает.

Ну вот уже и оркестр приготовился играть. И тут – во дают! – ведут на площадь верхового толстопята. Говорят, будто эта зверюга ростом и весом почти со слона, но я слонов отродясь не видывал, так что не буду утверждать то, чего не знаю. Слон, если я не ошибаюсь, жует ветки и тем доволен, ну а толстопят жрет все, что находит. И всех, кого поймают. Это злобная, вечно голодная тварь, к счастью, не очень умная. Наши предки даже не пробовали приручать взрослых толстопят – сразу поняли, что ничего не выйдет. Но оказалось, что можно приручить детенышей, и вот уже поколений пятнадцать толстопят живут в неволе и используются в диких местах для расчистки джунглей. А самые смирные годятся даже на то, чтобы возить на себе людей.

Тут я понял, в чем гвоздь программы, – премьер-губернатор решил прокатить гостя на толстопате. Все гости с Земли любят колониальную экзотику, если только она не оскорбляет их органы чувств. Ну, гляжу: с этим вроде все в порядке. Шерсть толстопата вымыта так, что я не почуял никакой вони, хотя стоял с подветренной стороны и вовсю крутил носом, круп животного покрыт бархатной попной, а на холке позади возницы громоздится открытая кабинка, вся убранная цветами. Вообще-то на толстопатах обычно ездят иначе, но далеко ли до правительственного квартала, где гостю приготовлена резиденция? В пять минут можно дойти. Ничего, доедут...

Подумал я так – и ошибся.

Сначала-то дело у них шло как по маслу: возница заставил животное лечь на брюхо, из кабинки выдвинулась и коснулась ковровой дорожки лесенка, улыбающийся министр залез в кабинку и ручкой оттуда помахал, за ним поднялся улыбающийся еще шире премьер-губернатор, лесенку убрали, толстопят взгромоздился на свои столбы, отчего его подошвы расплющились, как блины, – полезное приспособление для того, чтобы нести такую тушу по заболоченным джунглям... Поехали!

Тут и оркестр врезал, а толстопят двинулся вразвалочку куда надо. Кабинка на нем плывет, как по воздуху, мягко так, – видать, в нее вделана специальная система против качки. Ну, а мы по команде напоследок затрясли флажками и заорали кто во что горазд, изображая народное ликование, а кое-кто и заулюлюкал...

В этот момент все и случилось.

Кто-то толкнул меня в левое плечо. Я обернулся, чтобы, в зависимости от обстоятельств, либо с разворота дать наглецу по роже, либо просто посоветовать не пихаться, – а там Джафар. И не с флажком, а с рогаткой. Знаю я эту рогатку, из нее человека убить можно запросто, если в висок. Джафар лупит из нее гайками под десятимиллиметровую резьбу и не промахивается ни в птицу, ни в крысу. Бац – и сразу наповал.

Мне даже не пришло в голову пихнуть его в ответ, потому что я оторопел. Фигаро по этому поводу говорил, что каждый поступает, как может. А если не может, то, стало быть, никак не поступает. Рогатка у Джафара изготовлена, резинка оттянута до отказа, глаз прищурен – целится. Не просто так целится, а со злобой. Не успел я помешать, как резинка хлопнула и гайка ушла куда надо. А куда ей надо? Неужто в министра? И тут я начал видеть все сразу, как будто голова моя оснащена не двумя глазами, а по меньшей мере восемью. Во-первых, от нас с Джафаром шарахнулись. Во-вторых, я четко увидел, как господин Мбути что-то заметил, глядит в нашу сторону, глаза выпучил и собирается крикнуть. В-третьих, сам директор Ли Чжань тоже успел обратить внимание на суматоху. А в-четвертых...

Это было хуже всего. Толстопят вдруг вскинулся на дыбы. Кабинка на нем накренилась и съехала на крестец. Господин премьер-губернатор вылетел из нее, растопырив руки и ноги,

и шлепнулся на мостовую, а господин министр зацепился за что-то ногой и повис. Толстопят ревет и мечется, того и гляди помчит сдуру куда ни попадя и народ потопчет, в рядах за канатами бурление, полицейские растерялись и рты разинули, кто-то бежит к толстопята, кто-то от него, а министр мотается туда-сюда, как тряпка, и сразу видно: мало найдется желающих поменяться с ним местами.

– Псих! Ходу отсюда!

Оказалось, что это я прокричал Джафару прямо в ухо. А в следующее мгновение ни с того ни с сего выяснилось, что я уже куда-то проталкиваюсь, куда-то бегу и тащу Джафара за руку. Я даже удивился. Мама не раз советовала мне сначала хорошенько подумать, а уж потом действовать, чтобы, значит, не пожалеть впоследствии.

Но особенно удивляться мне было некогда. Выдрались мы из толпы одноклассников – и бегом к школе. Ноги мои, уносите меня! Ранец по спине колотит, как погонялка: «Беги! Беги!» А мне-то чего бежать, спрашивается? Я, что ли, из рогатки пульнул? Однако бегу, а за мной Джафар топает и дышит, как лошадь. Никогда мы с ним близкими друзьями не были – так, приятели. И чего я улепетьваю? Мне бы шарахнуться от Джафара, как шарахнулись все, и проблемы были бы только у него, а так – у нас обоих. Собственно, еще и сейчас не поздно вернуться, рассказать, как все было, а бегство объяснить растерянностью... Помурывают и отстанут. С какой стати мне за других-то отдуваться?

А стыд?

Вот то-то и оно. Добежали мы до коновязи, что возле школы, отвязали своих лошадок, прыг в седло – и подальше, подальше отсюда! Как можно скорее. Моя Зараза с места в галоп не любит, взбрыкнула и посмотрела на меня укоризненно из-под челки, а я ее по ушам, по ушам! Да пятками в бока!

Поскакали. Пыль за нами столбом. Улицы у нас в городе большей частью не мощеные, но это и хорошо, потому что у моей Заразы подковы стершиеся, давно пора ее перековать. На втором от школы перекрестке полицейский руками замахал, а что кричал – я не расслышал. Главное, наперерез не бросился и под копыта не сунулся, потому что полицию калечить – себе дороже. Через пять минут мы были уже за городом, а еще пять минут спустя свернули на проселок и перешли на рысь.

Наш Мбути говорил, будто бы на Земле лошади используются только для спорта и верховых прогулок ради удовольствия. У нас на Тверди иначе, да и в большинстве колоний тоже. Любая колония начинается с сельского хозяйства, это аксиома. Переправлять провизию с Земли через гиперканал – дорогое удовольствие. Врата служат для переправки людей и самых необходимых им материалов и механизмов. Совсем не трудно собрать допотопный трактор, но где взять топливо для него, если нефтяные запасы еще не разведаны? А обрабатывать землю чем-то надо. И метрополия требует, чтобы новые колонии как можно скорее переходили на самообеспечение продовольствием. Словом, лучше животных поначалу ничего не придумать. Волы, лошади, ламы для горных районов, а для пустынь и верблюды. Еще лучше, если вдобавок к этому удастся приручить и приспособить к работе – ну, или хоть на мясо – местных животных.

Наши лошадки здешней, твердианской породы. Они невысоки, косматы и на вид не очень казисты, зато выносливы и в общем покладисты. Моя Зараза кусает только чужих, а рысить может хоть целый день от рассвета до заката. И рысь у нее не тряская.

– Тебя случайно в младенчестве головой о порог не роняли? – спросил я, немного отдышавшись.

Джафар не ответил, только взглянул на меня исподлобья.

– В кого хоть стрелял? В министра?

На сей раз он ответил:

– Да не... В толстопята.

- Ого! А куда ты ему попал?
- Не видел.
- Жаль. А куда ты сейчас? Домой?
- Отвяжись, а? Не знаю!

Я и сам уже сообразил, что сморозил глупость. Джафару никак нельзя было домой. Ферма, где он живет, находится совсем близко от города, и полиция будет там раньше нас. Вряд ли он сможет скрываться долго в одиночку.

– Слушай... раз уж я все равно влип в эту историю... – начал я.

– А я тебя и не просил, между прочим! – окрысился Джафар. – Скачи назад, объясняй, что ни в чем не виноват, проси прощения, клянись, что очень любишь Землю и всех ее министров...

– Раз уж я влип в эту историю, – повторил я, не обращая внимание на его вспышку, – то я же и предложу идею: поехали ко мне.

– Ага, – сказал он с презрением. – Твоя мама будет очень рада.

– Ну, рада она, положим, не будет. Но я думаю, что кой-чего в дорогу она нам соберет и, может, пару полезных советов даст. Или ты думаешь прятаться один? Тогда так прямо и скажи.

Вместо возражений он протянул мне руку:

– Спасибо, Ларс... Не ожидал. Вот честно – не ожидал!

Я пожал ему руку и ничего не ответил, но, конечно, был доволен. Всегда приятно, когда тебя считают парнем что надо и отличным товарищем. Хотя я предпочел бы, чтобы на месте Джафара оказался Глист Сорокин или Мошка Кац. С ними мне как-то привычнее.

Мы свернули еще раз, выбрались на проселок, ведущий к нашей ферме, и вновь пустили лошадей в галоп. Петлять не было смысла, а вот добраться до фермы поскорее смысл был. Дорога была почти пустынная, лишь изредка попадались возы с мешками и корзинами, да иногда какой-нибудь фермер, ковыряющийся на огороде за живой изгородью, распрямлял спину, смотрел на нас из-под руки и качал головой неодобрительно: мол, уже не совсем молокососы, а все бы им скакать сломя голову. Лошадей запалят. Тише едешь – дальше будешь.

Вот именно – дальше. В окружной тюрьме, а она не близко. А потом, глядишь, и в колонии для несовершеннолетних где-нибудь очень далеко в джунглях или пустыне. Трудотерапии ради.

Потом я стал размышлять о том, как это Джафару удалось пронять толстопята обыкновенной гайкой. У этой зверюги практически нет уязвимых мест. Глаза совсем маленькие, ушные отверстия еще меньше, гениталии скрыты грубой и густой шерстью, пасть этот зверь разевать попусту не любит, а все остальное защищено толстой кожей и той же шерстью. Да еще громадной попоной! Просто удивительно. Как видно, игра случая.

Н-да... Игра-то игра, но пока в наши ворота.

И почему я отказался сразу смыться за компанию с Мошкой и Глистом? Им-то сейчас хорошо, а об их отсутствии на площади никто теперь и не вспомнит...

А с другой стороны, как классно мотало господина министра! Как тряпичную куклу. Туда-сюда! Вспомнить приятно. Да и наш премьер-губернатор очень недурно в брусчатку впечатался. Жаль, там не было глубокой грязной лужи, потому что всех, кто перед землянами стелется, – в грязь надо, в грязь! Мордой, задницей и всем прочим организмом. И повалить там хорошенько. Потому что земляне, хоть мы их ненавидим, все-таки не виноваты в том, что они земляне, а прихлебатель всегда виноват в том, что он прихлебатель. Вот так. Для тухлятины грязь – самое подходящее место.

Мама была дома, но обед не варила, а рассовывала по мешкам какую-то снедь. Увидев нас, она покачала головой с неодобрительной усмешкой:

- Явились, значит? А это кто с тобой, уж не Джафар ли?
- Ага. Привет, мам.

– Привет, террористы. Поздравляю, вы уже в розыске. Оба.
Мы переглянулись.

– Ты... уже знаешь? – с трудом выговорил я.

– Не задавай глупых вопросов, Ларс. Вся Твердь уже знает. Ты ведь не вообразил, что вы сможете отсидеться здесь?

– Нет, но...

– Даже не думай. Через пять, от силы через десять минут здесь будет полиция. Лошадей не загнали?... Вот и хорошо, свежих седлать некогда. Хватайте вот это, – она показала на мешки, уже связанные попарно, чтобы удобно было приторочить сзади к седлу, – и мотайте отсюда как можно скорее. Телефоны держите выключенными, а то по ним вас в два счета найдут. Отсюда сразу на восток и в буш, чем скорее, тем лучше. Поторопитесь, – может, с вертолета вас и не засекут. Пробирайтесь в Штернбург к дяде Варламу. Помнишь его? Вот и хорошо. Держитесь все время в буше и двигайтесь на северо-восток. Как перевалите горную гряду, окажетесь на Дикой территории, там вас сам черт не найдет. Но и вам задерживаться там незачем, плохие это места... С гряды увидите на севере Одинокую гору, а уже с этой горы в ясную погоду виден Штернбург, только сам город вам не нужен, а ферма дяди Варлама находится...

Я покорно кивал, хотя и без подсказок нашел бы дорогу к ферме дяди Варлама. Не так уж это и далеко, от силы дней десять пути, учитывая даже круглой путь через буш, гряду и Дикую территорию. Но с мамой, когда она разоидется, лучше не спорить. Она сама решит, как лучше, и обязательно окажется права. Проверено неоднократно.

– Возьми вот это.

Отцовское ружье! Сколько раз я предвкушал, как возьму его в руки! Это вам не малокалиберная хлопушка, с которой только птиц с полей гонять. Это настоящее оружие! Старое, многократно испытанное, с облохматившимся ремнем и поцарапанным прикладом. Пять патронов в подствольной трубке. Не лучемер, конечно, зато тяжелой пулей можно остановить любого зверя, кроме толстопята, а уж пропитание в буше добыть вообще не проблема. А я-то мечтал, чтобы поскорее пролетели три года, потому что мама собиралась подарить мне ружье только к восемнадцатилетию!

– Правда, ма? – не поверил я.

– Поменьше болтай! Патроны на комод.

Ну конечно, она уже обо всем позаботилась! Джафар стоял и только глазами хлопал – ну и ну, мол. Вот так-то! Завидуешь? У нас в роду все такие, а род наш древний, от самых первых колонистов. Десять поколений твердиан – это тебе не хухры-мухры! Никаких соплей и слез, ни единого причитания. Конечно, мама слышала последние новости по радио. Когда она в поле, у нее всегда горошина в ухе. Слышала о нас – сделала выводы. Эмоции, если и будут, то после, когда мы этого уже точно не увидим. Один только раз я видел маму плачущей, вскоре после смерти отца, да и то в тот момент она была уверена, что я ее не вижу и не слышу. Давным-давно это было...

– Ну, мы пошли, мам?

Чем-то ей не понравились мои слова. Она махнула рукой.

– Выметайтесь.

Мы и вымелись. Свою мелкашку и коробку патронов к ней я отдал Джафару, а сам гордо повесил через плечо отцовское ружье. Навьючили мешки. Зараза поглядела на меня осуждающе: что же ты, хозяин, когда поить-то меня будешь? Ох, потерпи еще, моя милая. Ты ведь еще не устала? Мы оба знаем, что такое усталость, так вот это еще не она, а так, легкое утомление. Ну, вперед!..

Разумеется, теперь мы не придерживались дорог, а смело топтали посевы везде, где их хозяева додумались засеять поля на кратчайшем пути от нашей фермы к границе буша. Потом придется как-то улаживать отношения с соседями, но это потом... Четырежды мы прыгали

через живые изгороди, и Заразе это не очень нравилось. Наши лошадки выносливы, но не слишком резвы, а прыгать совсем не любят. Один раз я едва не вылетел из седла, а Джафар вылетел-таки, но полминуты спустя уже вновь скакал рядом со мной как ни в чем не бывало, только очень пыльный и злой. На границе владений старого Лина и ничьими землями за нами увязалась неизвестно чья собачонка и долго преследовала нас, исходя злобным лаем. Потом отстала.

Граница буша была уже рядом, когда мы услышали вдали стрекотанье полицейского вертолета.

Глава 2

Что такое буш, надеюсь, объяснять не надо. Всякий твердианин, включая обитателей пояса влажных лесов, знает о буше хотя бы понаслышке. Я склонен согласиться с нашим школьным географом, уверяющим, что без людей на Тверди никакого буша не было бы, а расстилалась бы просто саванна, такая же, как на Земле в Африке. Ну, что там на Земле, я не знаю, ни о какой Африке и слышать не хочу, однако факт есть факт: там, где пасется тьматмущая пожирателей зелени, не бывает сплошных зарослей. Когда первые пять-шесть поколений колонистов истребили колоссальные стада травоядных, объедавших не столько траву, сколько листья кустарников, саванна – там, где ее не распахали и не превратили в пастбища для домашнего скота, – перестала напоминать разбросанные там и сям островки кустарника и купы низкорослых корявых деревьев в море травы. Кусты разрослись и почти сомкнулись, оставив лишь тропинки для всякого мелкого зверья. Это лабиринт. Пешего он скроет с головой, а конному достаточно пригнуться, чтобы стать невидимым с воздуха и самому не видеть ничего, кроме ветвей, листьев и колючек. Нет, если сильно не повезет или сам сглупишь, то увидеть тебя с воздуха в принципе могут, но высадиться и поймать – никогда. Будь их хоть сотня – я запутаю и сотню, а потом преспокойно уйду.

Ориентироваться в буше без компаса может не всякий. Впрочем, конному проще, если он выпрямится, встав ногами на седло. Остаются три проблемы: воды, пищи и огня. По цвету и густоте растительности можно определить, где подпочвенные воды близки к поверхности, иногда в таких местах можно найти даже родник. С голоду тоже не умрешь, если имеешь терпение охотиться и знаешь, какие из животных пригодны в пищу. Наихудшая проблема – огонь. В смысле, требуется особая квалификация, чтобы развести костерок и не сгореть при этом вместе с сотней тысяч гектаров буша. Даже не обязательно в сухой сезон.

Сухостоя в кустарнике всегда навалом, и он горит, как порох, а многие живые растения выделяют эфирные масла, отчего в буше всегда стоит одуряющий запах и очень душно. Полыхнуть может так, что на сто километров вокруг никому мало не покажется. А главное, если от степного пожара нередко можно ускакать, то от пожара в буше не ускользнешь – кусты не позволяют. В буше ходят и ездят только шагом; начнешь торопиться – только расцарапаешься в кровь, а во времени ничего не выиграешь.

Джафар, конечно, знал все это не хуже меня, даром что он колонист всего-навсего в четвертом поколении, тогда как я – в одиннадцатом. Мой предок был в числе первой сотни колонистов, прошедших Вратами на Твердь, так что в некотором смысле я по сравнению с Джафаром аристократ. Напоминать ему об этом я, конечно, не стал, а вместо этого просто взял инициативу в свои руки. Эти места были мне знакомы. Когда-то мы с друзьями, играя в первопроходцев, забирались в буш на час-два пути, хотя теперь-то, конечно, все наши заветные места, тщательно расчищенные и оборудованные очагами и шалашами, давным-давно заросли буйной зеленью. У нее это здорово получается. Я видел пожар в буше и видел потом, с какой дивной скоростью буш восстанавливает себя. Двух лет не пройдет, как буш уже прежний.

Дважды нам пришлось останавливаться и пригибаться – полицейский вертолет тарахтел где-то неподалеку и совсем низко. Полицейские осматривали буш чисто для проформы, потому что надо быть редкостным дурнем, чтобы надеяться что-то в нем высмотреть. Потом вертолет улетел, а мы выбрались на относительно широкую тропку и пустили лошадей по ней – впереди я, за мной Джафар. Лошади тяжело дышали. Их крупы потемнели от пота; вспотели и мы. Но солнце уже клонилось к закату, и я предвкушал вечернюю прохладу.

Часа за два до ночной темноты я решил, что пора позаботиться о лошадях. Мы достали мачете и вырубали кусты в радиусе шагов пяти. Мелкие ветки изрубили помельче и завязали в пустынные пакеты – это нам на завтра питье. Когда солнышко пригреет как следует, будем

пить выделившийся конденсат. Но чтобы напоить лошадей, пришлось выкопать здоровенную ямищу, да и то вода на дне оказалась мутной и солоноватой. Пока расседывали лошадей, пока поили их и задавали корм, пока я из земли, грязи и нарубленных ветвей в качестве арматуры лепил некое подобие очага, солнце зашло, и сразу стало прохладнее. Пока еще не совсем стемнело, мы разделили провизию на скоропортящуюся и ту, что может еще полежать, и подвесили мешки повыше от ночных животных, что временами принимались шуршать в кустах. Никаких иных звуков не было слышно, вертолет не возвращался, и я запалил в очаге небольшой костерок, а Джафар нацедил в котелок воды и поставил на огонь. Кулеш сварим.

Впервые я ночевал в буше лет в десять, правда, не один, а в компании более взрослых парней. Мама тогда отчитала меня, но не за самовольство, а за плохую подготовку, и высмеяла наше кое-качество. А хорошо сидеть в буше у костерка и травить байки! О бушменах – это уж обязательно. Дескать, водятся в самых непролазных местах буша маленькие, ростом всего до колена, голые человечки и, если их ненароком побеспокоишь – пакостят. А пакостить они умеют и отличаются злопамятностью, так что если утром обнаружишь, что кто-то нагадил в твою кружку или украл уздечку, – лучше скорее выбирайся из буша и по меньшей мере месяц не кажи туда носа. Потом опять можешь приходить. Сказки, понятное дело.

Но в этот раз о бушменах мы, конечно, не вспоминали.

– Завтра к гряде пойдем? – спросил Джафар, устроившись у очага по попоне.

– А куда же еще.

– Значит, в Штернбург к твоему дяде Варламу?

– Точно.

– А по-моему, зря, – сказал Джафар. – Раз уж вертолет выслали нас разыскивать, так за всеми нашими родственниками уж точно наблюдение установят, неважно, где они живут. Хоть в Штернбурге, хоть в самом Новом Пекине. Явимся мы к твоему дяде, а там нас и возьмут.

– Он мне не дядя и вообще не родственник, – объяснил я. – Дядя Варлам – это так, слова. Он бывший муж моей мамы, ее первый муж.

Джафар вытаращил глаза, а я смутно припомнил, что его семья исповедует адаптивный махдизм. Кажется, в этой секте разводы не то чтобы совсем запрещены, но считаются делом постыдным.

– И нечего тарашиться, – сказал я спокойно. – Они разошлись полюбовно и остались друзьями. И отец мой к нему нормально относился, как я слышал. Варлам мне действительно как дядя. Но не родственник. Мама знала, к кому нас направить.

Джафар только покивал, но я понял, что моя мама сильно потеряла в его мнении. Он правильно сделал, что воздержался от комментариев, – я бы на нем живого места не оставил.

– Покажи-ка мне свою рогатку, – попросил я.

Он показал. Я несколько раз натянул резинку – тугая, ничего не скажешь, – пожал плечами и вернул рогатку хозяину.

– Странно все-таки... А стрелял чем – обыкновенной гайкой?

– Чем же еще.

– И почему, по-твоему, толстопят после твоего выстрела сбесился?

– А я почему знаю?

Кажется, он действительно не знал, а догадок строить не хотел. Зато у меня в сознании уже брезжила версия.

– Пойдем логически, – сказал я. – Толстопят – зверь серьезный. Поэтому даже ручных толстопят перед работой обязательно пичкают транквилизаторами. Получается очень послушный, хотя и несколько заторможенный толстопят. Верно?

– Ха! Это все знают.

– Не перебивай. Пусть мне отрежут руку, если для губернатора и министра не отобрали самого смиренного толстопята. Да еще небось скормили ему полную лопату успокоительного. Что станет с таким зверем, если, к примеру, выстрелить в него из мелкашки?

– Ну... – начал Джафар.

– Не перебивай, говорю. Ничего особенного не будет. Пуля пробьет шерсть и кожу, но и только. Застрянет в жировом слое. У толстопята испортится настроение. Он может немного дернуться, но возница мигом заставит его слушаться. Нет? Не слышу!

– Ты не велел перебивать, – хмуро бросил Джафар.

– А ты не цепляйся к словам. Идем далее. Если я выстрелю толстопяту в бок из моего ружья пулей или картечью – тогда, конечно, другое дело. Убить не убью, если только не в глаз, но уж заставлю почувствовать! Тут и транквилизатор не поможет. Возница, думаю, не справится. Как раз получится примерно то, что мы видели, верно?

– Было бы верно, если бы я стрелял из твоего ружья, – фыркнул Джафар.

– Правильно. Ты стрелял из рогатки. Значит, толстопят сбесился не из-за твоей гайки. В него стрелял кто-то другой, кого мы не видели, и стрелял хорошей пулей, а не гайкой.

– А звук выстрела?

– Все орали. Оркестр играл. Мог быть глушитель. Мог вообще быть лучемет, а не ружье. Теперь понял? Ты здесь вообще ни при чем.

Джафар задумчиво почесал спину.

– Ну да, ни при чем... А полиция кого ищет?

– Наверняка толстопята уже осмотрели, – сказал я, – и нашли рану, сделанную уж точно не гайкой. Если у полицейских есть мозги, то самый умный из них уже понял, что был еще один стрелок. Хотел бы я знать, в кого он стрелял – в животное или в тех, кто на нем сидел?

Пока я мешал кулеш, Джафар соображал. До него всегда доходило чуть медленнее, чем надо, но уж если что застревало в голове, то оседало в ней навсегда.

– Значит... мы можем вернуться? – спросил он наконец, и его брови полезли от восторга вверх, а рот растянулся до ушей.

– С какой это радости?

– Ну... ты же сказал, что был еще стрелок и что полиция догадалась...

– Сказал. А знаешь, что из этого следует? То, что нас считают соучастниками покушения, отвлекавшими внимание полиции от настоящего убийцы. Сними-ка котелок с огня, пусть кулеш доходит... Нас будут искать и отслеживать, чтобы через нас выйти на второго стрелка. Поймают – мало не покажется. Кто поверит, что мы ничего не знаем?

Джафар сразу осунулся. Я слышал краем уха, что с полицейскими методами дознания успел познакомиться его старший брат и стал вроде как психованный: боится темноты, дождя, шорохов, собак и незнакомых людей. Чуть что – забивается в угол и плачет, как маленький.

– Нет, мама нам правильно посоветовала исчезнуть с глаз, – продолжал я. – Ничего, побродим... Посмотрим, что такое Дикие земли. А к дяде Варламу, может, еще и не придется ехать. Будем слушать радио. Если стрелка поймают раньше, чем нас, то мы можем спокойно идти сдаваться в любой полицейский участок. Расскажем честно, как было. Испугались, мол, оттого и подались в бега. Ну что нам сделают? Максимум – по шее нададут, да и то лишь ради порядка...

– Из школы выгонят, – предрек Джафар.

– Ну, может, выгонят, а может, и нет...

Я взял ложку и попробовал кулеш. Шедевра у меня не получилось, но есть было можно. Жестяные миски мы решили не пачкать – и ну черпать ложками прямо из котелка. Не заметили, как все слопали.

– Давай-ка укладываться спать. Гаси огонь.

– А дежурить разве не будем? – удивился Джафар.

Нет, с ним с ума сойдешь. Экий неприспособленный.

– Тут не должно быть опасного зверья. А если что, лошади почуют – разбудят.

Лошади и вправду что-то чуяли, а больше вертели ушами и тревожно фыркали, прислушиваясь к шорохам в кустах. Я тоже их слышал, но не придавал им значения. Раз мелкие зверьки шуршат, значит, безопасны, а главное, не видят опасности для самих себя. Дикий кот не шуршит – он тащит свое гибкое трехметровое тело на низких лапах так аккуратно, что ни один лист не шелохнется. Да только нет на краю буша диких котов, уже лет пять нет. С тех пор как фермеры убили того кота, что задрал двух коров у старого Лина, других крупных хищников в наших краях никто не видел. В Диких землях – там да. Там наверняка придется спать по очереди, а уж если спать, то не слишком заворачиваться в попону, чтобы сразу вскочить, если что. А здесь опасны только чешуйчатые шакалы, да и то если соберутся большой стаей и облаглют, да еще ядовитые ящерицы, если их потревожить.

Спалось и в самом деле нормально. Один раз я проснулся – все было в порядке. Дремали лошади, сопел во сне Джафар. Луна Большая обгоняла Луну Малую, а еще, конечно же, светил Карлик, будто далекий красный фонарь, так что мне была видна каждая веточка вокруг нас. Даже безлунные ночи на Тверди никогда не бывают совсем темными. В учебнике сказано, что лет через тысячу Карлик передвинется на небе так, что в это время года будет светить днем, когда и без того светло, а ночью светить не будет. Ну и пусть. Какое мне дело до того, что случится через тысячу лет!

Утром мы наскоро позавтракали холодной грудинкой и продолжили путь. Весь день продирались сквозь буш, а место для ночлега выбрали на обширной горелой проплешине. Наверное, в минувший сезон гроз сюда ударила молния и, знамо дело, подожгла кусты, а потом ливень хлынул стеной и залил пожар, не дав ему распространиться. Лошадей привязали к корням, натаскали дров и развели нормальный костер. Здесь было можно. В ближайшей низинке нашелся родничок, так что устроились мы на славу. Попоны пованивали, ну да и мы были не лучше. Кто хочет стерильности и приятных запахов, тому в буше делать нечего.

За весь день мы едва перекинулись парой фраз, и теперь нам хотелось поболтать, но я начал с того, что сунул в ухо горошину приемника. Телефон в этих краях уже не действовал, потому что ретрансляторы остались далеко, а количество спутников связи, как и любых других спутников, на Тверди всегда было равно нулю. Издержки гипертранспорта: Врата есть, а собственной космической программы нет и не скоро будет. Говорят, будто во всех колониях такой парадокс. Проще попасть на Землю – хотя для этого надо лет пять работать не покладая рук, ничего не есть и только копить деньги, – чем подняться на орбиту Тверди. Зато радиосвязь действует почти по всей планете. Правда, всего одна вещательная станция, но больше никому и не надо. Администрации – точно не надо.

Джафар уже весь извелся, а я все слушал. Диктор рассказал о строительстве железной дороги, что свяжет Новый Пекин с западным побережьем, об угрозе засухи в южных сельскохозяйственных районах, и о новом прогрессивном методе осушения северных болот. О продолжающемся визите министра по делам колоний тоже было сказано, но о покушении на него – уже ни слова. О нас тоже. Затем пошла радиовикторина, а из нее извлечешь столько же полезной информации, сколько из атмосферных помех. Я убрал горошину в карман.

– Знаешь, а в нас, похоже, не очень-то нуждаются...

Джафар потребовал, чтобы я пересказал ему содержание блока новостей, что я и сделал почти слово в слово. Он долго морщил лоб, двигал ушами. Наконец просиял:

– Вернемся? А?

– Это еще зачем?

– Ну, если нас не ищут...

– Кто тебе сказал, что не ищут? Ищут, только по-тихому. Незачем устраивать всепланетную облаву – мы сами когда-нибудь где-нибудь объявимся. Полиция в курсе и просто ждет...

– Уверен?

– Я так думаю. Мне вот что интереснее всего: почему не объявлен общепланетный розыск настоящего стрелка?

– Может, его уже поймали.

– Скорее его ловят так же, как нас, – без шума. А директор радиостанции уже получил нагоняй за вчерашнее. Догадываешься почему?

Джафар не догадывался.

– Ты любишь Землю и землян? – спросил я.

Вместо ответа Джафар смачно плюнул. Ну то-то же.

– Я тоже этих гадов терпеть не могу. А назови мне хоть одного человека, который бы их любил. Ну, может, из начальства кое-кто, да и те держат фигу в кармане. И по всей Тверди так. И тем не менее Твердь считается благопристойной колонией с лояльным населением.

– Благодаря полиции! – прорычал Джафар.

– Подонки они, согласен, – охотно поддержал я. – Хотя и не все из них. Зато все они твердиане. На Тверди родились, с людьми общаются и тоже небось землян не обожают, хоть и лижут им задницы. Но я не о них. Я о настоящих твердианах. Вот если бы к тебе на ферму прихромал тот стрелок и попросил убежища – ты бы отказал?

– Еще чего! Нет.

– Ага! Многие не отказали бы. Зачем же правительству создавать стрелку рекламу? Чтобы население охотнее его прятало? Он бы в героях ходил. А так – пришел неизвестно кто, попросил укрыть его, а кто знает, сказал ли он правду? Наболтать что угодно можно. Кто-нибудь усомнится да и сообщит тишком в полицию.

Джафар хотел возразить, но я перебил его:

– Погоди, это не все. Это даже не главное. По-моему, важнее другое: никто не хочет признаваться, что на Тверди есть проблемы. Ни премьер– губернатор, ни земной этот министр, вообще никто. Дело не замнут, не надейся, но шуму не будет. Нам-то, конечно, с того не легче, так что едем к дяде Варламу.

– А ты здорово соображаешь! – с плохо скрываемой завистью признал Джафар.

– От мамы научился. А так я тупой. Давай спать.

Еще два дня мы продирались через буш, прежде чем заметили вдали горную гряду. Она длинная, но невысокая, а главное, единственная в наших краях, отчего у нас ее называют просто грядой, не прибавляя никаких уточняющих названий. Хребтом ее назвать как-то неловко, хотя издали она похожа именно на хребет доисторического чудовища, сдохшего миллион лет назад и с тех пор медленно врастающего в землю. Горушки метров по двести-триста, скалы, утесы идут узкой полосой с востока на запад, а может, и наоборот, с запада на восток, нам это без разницы.

Куда важнее было то, что до гряды нам предстояло продираться еще полдня, если не больше.

– С сегодняшней ночи будем дежурить по очереди, – сказал я, когда мы устроились на ночлег. – Выбирай: первая половина ночи или вторая?

– Ты выбирай, – возразил Джафар.

Он смахивал на черта, а может, на шайтана (надо будет спросить, какая между ними разница) – черно-серое лицо, сверху пыль, под нею грязь, и сквозь эту корку струйки пота проложили русла. Родников нам больше не попадалось, добытого из листвы и веток конденсата только-только хватало напиться, накануне мы даже кашу не варили, наши лошади получали совсем по чуть-чуть воды и, понятно, страдали – тут уж не до личной гигиены. А еще я видел, что Джафар здорово устал. Пусть прямо сейчас поспит хотя бы часов пять. Не то заснет на посту.

– Беру первое дежурство, – сказал я.

Он, естественно, не возразил и сразу улегся. Я ему молчаливо позавидовал, потому что и сам порядком выдохся. Когда кругом духота и пыль, когда сколько ни выпей воды, она тут же вся выйдет потом, когда помыться негде и все тело свербит, и так продолжается который день подряд – тогда вымотаешься и без тяжелой работы. Устанешь терпеть.

Чтобы не заснуть, я занялся делом. Для начала нарезал мелких зеленых веток и туго набил ими пустынные пакеты. Затем привязал поперек двух наиболее широких тропинок веревки с колокольчиками. В окрестностях гряды зверья уже больше – до Диких земель осталось всего ничего. Звякнет колокольчик – буду сначала стрелять, а потом спрашивать, кто там идет. И наконец, чтобы скоротать время, я начал копать яму, время от времени прерываясь, чтобы следить за костерком. Добыть воду я не слишком надеялся, не такое это было место, но ведь всякие бывают чудеса. А хорошо кустам! Их корни уходят вглубь черт знает на какую глубину и, уж конечно, находят там влагу. Попить бы... Помыться бы...

Лошади всхрапывали, переступали с ноги на ногу, но не особенно тревожились. Я знал, что скорее всего поблизости нет опасных зверей. «Скорее всего» – потому что лошади все-таки земные животные, хотя и нашей, твердианской породы. У них не было миллионов лет эволюции на Тверди, чтобы выработать полезные инстинкты. Например, змеиных ящериц они совсем не боятся, а зря. Джафар из рогатки не бьет так метко, как плюет ядом змеиная ящерица. Сами по себе они не нападают ни на человека, ни на лошадь, но любят отдыхать где попало. Никакой местный зверь, кроме чешуйчатого древесника, и глаз-то не имеющего, никогда не подойдет близко к змеиной ящерице, ну а лошадь – может и наступить на нее.

И человек может. Особенно если он от природы такой дурак, что слоняется ночью, а днем не глядит себе под ноги.

В Новом Пекине стоит памятник тем, кто жизнями платил за бесценный опыт, за точное знание, чего можно и чего нельзя на Тверди. Жизнь у первопоселенцев была совсем не сахар. Сколько их перемерло от самых простых причин – это же волосы дыбом! Нам, потомкам, куда проще. Хотя и нам никто не обещал полной безопасности.

Копал я, конечно, зря, но времени убил предостаточно. Зато бодрствовал. Тускло светил Карлик, кусты отбрасывали корявые тени. Если бы на небо набежала хоть легкая дымка, Карлик расплылся бы в багровое пятно со злым красным глазом посередине и не было бы видно ни одной звезды. Но небо оставалось чистым. Когда созвездие Пчелы выползло в зенит, а Карлик склонился к горизонту, я потянулся было растолкать Джафара – и передумал. Решил дать ему еще хотя бы час поспать. И дал, хотя глаза слипались немилосердно.

Потом все-таки разбудил его и едва нашел в себе силы укрыться попоной и подтянуть под голову седло. Провалился, как в колодец, и не булькнул. До чего же это здорово, что у каждого из нас есть такой вот персональный колодец! Каждый носит его с собой.

Проснулся я от страшной боли, крика и ржания – от всего сразу. Кричал Джафар, дико ржали обе лошади, и не только ржали, но и метались на привязи, а больно было мне. Да еще как! А на расчищенной нами полянке, казалось, шевелился сплошной бурый ковер. Костер погас, но заря уже осветлила небо, и в скудном ее свете я видел, как Джафар пляшет, стряхивая с себя червей, как черви ползут вверх по лошадиным ногам, как лошади бьются и брыкаются от дикой боли...

Если в бурых червях есть что-то хорошее, то лишь одно: передвигаются они не так уж быстро. Нет, вру, есть у них и вторая положительная особенность: их легко стряхнуть с тела, если они еще не вцепились в кожу изогнутыми челюстями. Но уж если червяк вцепился, тогда остается только рвать его пополам. Сам червяк длиною в палец, а ног у него нет, лишь щетинки на брюхе. Ясно, что бегун из него никакой, да и альпинист неважный. А что плохо в червях, так это их манера нападать целой толпой и, конечно, яд. У одних видов он посильнее, у других послабее, но ядовиты все. От двадцати до пятидесяти укусов – и привет тебе горячий, если тут

же не ввести сыворотку. Да еще помучишься, помирая. Нам еще в первом классе на уроках твердедения показывали кадры: сначала человек катается по земле и вопит не своим голосом, потом только дергается, затем последний спазм – и финита.

Меня бурые черви прежде не раз кусали, да и кого они не кусали? Но до сих пор не нападали такой сворой!

Я тоже заорал не своим голосом, да и было с чего. Правда, сразу сообразил, что надо делать. Схватил попону, встряхнул ее, чтобы сбросить червей, – и давай лупить ею лошадиные ноги и крупы! Уходить надо было, и быстро, а на чем? Без лошадей пропадешь. Ох, как я прыгал, во-первых, не давая новым червям заползти мне на ноги, во-вторых, сбивая червей с лошадей, а в-третьих, уворачиваясь от самих животных, что бесились от боли! Джафар догадался – стал делать то же самое, хотя пострадал сильнее меня, я это ясно видел. Молодец, что не запаниковал и не сдурел, а то укусы бурых червей, мягко говоря, не способствуют ясности мысли.

Справились. Отвязали лошадей и кое-как увели их с полянки, а как животные успокоились, мы вскочили им на спины и потрусили охлюпкой. Отъехали недалеко, шагов на триста, нашли там проплешину и стали ждать. Так и так надо было возвращаться за оружием, снаряжением и той пищей, что в жестянках. Доступную-то еду черви сгрызут дочи́ста, им это только дай.

Взглянул я своей Заразе в глаза – и не выдержал, отвернулся. Потому что в глазах у животного одно: «Больно мне! За что вы меня так, люди?» А мерин Джафара и вовсе не глядит ни на меня, ни на него – устался в землю и дышит тяжело так. Эх, искупать бы их, да накормить сочной травой, да напоить вволю! Ничего, потерпите еще, недолго терпеть осталось, грядя близко, а там мы воду точно найдем...

– Как это ты червей проморгал? – спросил я Джафара. – Заснул, что ли?

– Ага, заснул! – взбеленился он. – Ты бы поменьше ям копал! Они из ямы полезли.

– Так в чем дело? Сунул бы в яму огонь – и все дела. Лучше уж честно скажи, что спал.

– Кто спал? Я спал?! Не спал я ни одной минуты!

– Значит, крестиком вышивал?

– Молился я! Понял? Молился.

Он врал, тут у меня сомнений не было, но я решил не настаивать. Со всяким бывает. Ну, задремал... Впредь будет дураку наука.

Кстати, мне тоже будет наука: слабоват Джафар, нельзя на него полагаться, как на самого себя.

Как говорил Фигаро, к свиньям такую клиентуру! Н-да... Ему легко было говорить, а мне-то что делать? Прогнать Джафара, что ли? Ну, нет. Вместе заварили кашу, вместе и будем расхлебывать. Да и в Дикие земли поодиночке лучше не соваться – совершенно незачем улучшать собой рацион тамошних плотоядных.

Решив так, я исследовал свои ноги и обнаружил четыре укуса. Места вокруг них уже начали опухать. Было больно, и я знал, что будет еще больнее. Джафару пришлось хуже, чем мне, один червь умудрился тяпнуть его аж в шею, из-за чего шея справа раздулась и начала раздуваться щека. С другой стороны, если Джафар не врал насчет того, что черви полезли из ямы (а зачем ему в этом-то вопросе врать?), то, значит, это норные бурые черви, не самый ядовитый вид из их мерзкого семейства. Часа два-три придется потерпеть, а потом боль пойдет на убыль и начнут спадать опухоли. Можно считать, дешево отделались. Жаль еды, той, что не в банках, ну да ладно. Все равно ее оставалось немного. Охотиться будем. Наши ружья и патроны червям без надобности.

Аптечка первой помощи осталась на месте ночевки, а искать ягоды желтого арбузника, что помогают при укусах, было бессмысленно – не сезон. Приходилось ждать, когда походная колонна червей вновь исчезнет в земляных норах и соизволит вернуть нам наше имущество.

Не знаю, как Джафара, а меня сильнее боли мучило сознание беспомощности. При нас оставались только ножи в кожаных ножнах на поясах, а ножом, даже двумя ножами дикого кота не завалишь. Нож годен только против разной хищной мелочи, да и то, когда она не нападает голодной стаей. Ха! Говорят, будто в Новом Пекине власти приняли указ, чтобы школьники ходили в школу без ножей. Прямо как на Земле, ей-ей. Совсем спятили. Уж лучше нагишом ходить и задом отсвечивать, чем выйти из дому без ножа!

Ждать, терпя жгучую боль, не самое приятное занятие. Не знаю, как бы я повел себя в одиночку – может, начал бы стонать, шипеть сквозь зубы, а то и кататься по земле, подвывая и причитая от жалости к себе, любимому. В компании приходилось держать марку – пусть Джафар проделывает все эти штуки, ему ведь сильнее досталось, а уж я, так и быть, никому не расскажу, как он терял лицо. Но Джафар держался как надо, лишь иногда отворачиваясь, чтобы сморгнуть слезу, ну а мне и подавно не следовало скулить. Ничего, продержимся, перетерпим!

И мы перетерпели. Когда боль уже порядком ослабела, мы вернулись на место стоянки. Червей и след простыл, а с ними исчезла часть нашего имущества. От той провизии, что находилась вне консервных банок, осталось только воспоминание. Челюсти червей серьезно попортили кожаную упряжь, и если мы, помучившись как следует, все-таки сумели кое-как привести в порядок седла и седельные сумы, то стремяна и подпруги пришлось заменить на веревочные. Лишь к полудню нам удалось продолжить путь.

Однажды я поспорил с мамой и хорошо запомнил тот спор. Она спросила меня, только-только вернувшегося из одиночной вылазки в буш, грязного, с гноящейся раной на ноге, но довольного и даже с охотничьим трофеем в виде шкуры небольшого котенка:

– По-твоему, это важно – проникнуть туда, куда еще никто не проникал?

На этот счет у меня не было никаких сомнений.

– И я так думаю, – мягко сказала мама. – Но остаться в живых, пожалуй, чуть-чуть важнее, ты не находишь?

Только теперь я понял, как она была права.

Глава 3

На гряде мы сделали дневку. Она была нужна и нам, и лошадям. Впереди лежали Дикие земли, и соваться туда уставшими и потерявшими от усталости бдительность означало бы чересчур полагаться на удачу. Она этого не любит, а Дикие земли, напротив, любят опрометчивых и нахрапистых. Хищный зверь или хищное растение получит свой обед, что пойдет на пользу экосистеме в целом. Школьные уроки твердеведения, вечный круговорот живой и мертвой плоти. Чтобы кто-то жил, кому-то надо умереть – это мы хорошо усвоили. Вторгшийся в Дикие земли человек уже не царь природы, а всего-навсего рядовой представитель фауны. Никто не запретит ему охотиться, но и сам он вполне питателен.

А Дикие земли могут играть с ним, до поры до времени прикидываясь безопасными. Нельзя им верить – этому у нас на Тверди учат всех, да не все умеют учиться.

Несть числа тем, кто сгинул, расслабившись всего на секунду-другую. Никто толком не считал, сколько людей погибло за время освоения Тверди от собственных (читай: земных) представлений о дикой природе. И теперь еще гибнут, но большей частью дураки и новые поселенцы. Старожил почти всегда знает, как поступить, чтобы добиться своего и уцелеть.

Вот и мы это знали. Я нашел уютную маленькую долинку с чистым ручьем, а в ней удобную скальную площадку, прижатую к утесу и несколько приподнятую над растительностью. С одной стороны мы были защищены утесом, потому что даже самой глупой твари не придет в голову самоубиться, бросившись на нас с этакой высоты, а с трех других сторон на десяток шагов было голо и пусто. Мы поработали ножами и довели «предполье» до пятнадцати шагов, заодно добыв топлива. Никакой зверь, включая дикого кота, не одолел бы такое расстояние одним прыжком, а кроме того, мы развесили на тропах сигнальные колокольчики и намеревались всю ночь жечь костры полукругом. И один из нас, понятное дело, должен был дежурить с ружьем в руках.

Мы вволю напились и набрали впрок воды, вымыли лошадей и искупались сами, если только барахтанье в мелком ручье можно назвать купанием. Но что хуже нехватки воды? Только ее отсутствие. Минувшую ночевку не хотелось и вспоминать. Мы не дотянули засветло до гряды и не нашли ни родника, ни места, где имело бы смысл выкопать яму с надеждой добыть хоть немного подпочвенной влаги. Хорошо уже то, что в буше отыскалась еще одна большая выжженная проплешина, причем совсем недавняя. Мы перемазались в саже, зато на нас никто не напал. Только очень мучила жажда.

Здесь-то было совсем иное дело. На границе Диких земель, зато чище. Опаснее, зато приятнее. Я вдруг понял, что не хотел бы отправиться на тот свет перемазанным вроде углежога и измученным, как шахтер. Нет уж, мне подавай честный поединок, когда я полностью готов к нему и противник тоже готов. Один на один, и уж если мне не повезет, то ничего не поделаешь. Сам виноват, сам ошибся и по сути сам себя убил, а не Твердь убила. Уж очень обидно умирать от жажды и изнеможения, будто ты зверь какой.

Мы славно поработали и отдохнули не хуже. До заката я еще слазил на самую высокую вершину, какая нашлась поблизости, и взял азимут на Одинокую гору. Видел издали свинозайца, но стрелять не стал. Вечерний воздух был прозрачен, и, освещенная косыми лучами, гора четко выделялась в сплошном море зелени. Мы забрали к востоку сильнее, чем следовало, но я не видел в этом никакой беды. Разве что чуточку больше времени проведем в Диких землях. Плохо ли? Не каждый из наших с Джафаром одноклассников видел Дикие земли хотя бы издали. И Джафар их не видел. Правда, и я не бывал прежде в этих краях, но зато мои десять поколений предков-твердиан – это не его три поколения! Пусть просвещается. Происшествие с бурыми червями окончательно расставило все по местам. Я здесь старший, а Джафар только стажер.

Ах, как хорошо было сидеть, прижавшись к скале, в ожидании, когда над угольями дойдет до кондиции большая ящерица, которой я отстрелил голову, спускаясь с горы! Накормленные и напоенные лошади вели себя спокойно, в кустах не звякало, а мы болтали на разные темы. Джафар шутливым тоном высказал мнение, что, мол, если бы власти знали, чего мы натерпелись за эти дни, нас бы просто выругали и простили. Мне стало ясно, что он под видом шутки пытается выдать желаемое за действительное, и я постарался разбить его надежды в прах, после чего мне было заявлено, что с юмором у меня туго. Ну и ладно, ну и пусть туго. Все равно мне не нравились его рассуждения. Я перевел разговор на диких зверей, а с них на домашнюю скотину и способы ее лечения. Вышел квалифицированный обмен мнениями, причем знания Джафара в данной области оказались обширнее моих.

– Тебе хорошо, у тебя семья большая, есть кому ухаживать за скотиной, – признал я со вздохом. – А у нас только трактор с навесным оборудованием. Знал бы ты, сколько он жрет горючего! Если уж начистоту – едва сводим концы с концами.

– Мы тоже.

– Сравнил! Тебя подменяют, если что. А нас с мамой только двое. Помнишь, осенью я две недели в школу не ходил? Убирал урожай, пока мама болела. Дама Фарбергам на меня потом взъелась – отлынивал, мол, от занятий. И Мбути тоже.

Закономерным образом разговор перешел на школьных учителей с их дурацкими предметами, особенно землеведением, и продолжился насмешками над Землей и землянами. Теперь происшествие с земным министром представилось нам в юмористическом свете. Ка-ак его мотало на толстопята! Туда-сюда! Словно куль с тряпьем. Небось не скоро забудет нашу планету!

Ночь прошла спокойно, и наутро мы спустились с гряды. Отдохнувшие лошади – моя Зараза и Джафаров мерин Ифрит – бежали ходко и, пожалуй, даже весело. Еще бы! – к северу от гряды начинались настоящие леса, а не надоевший буш с его кустами и колючками. Раздолье!

Опасное, правда, раздолье. На всякий случай я держал поперек седла ружье, заряженное патронами с самой крупной картечью, какая только нашлась. Всяк на Тверди знает: без острой нужды в Дикие земли лучше не соваться. Они и сейчас еще занимают больше половины Большого материка и девяносто процентов Северного континента. В этих краях могут водиться звери, еще не известные человеку. Здесь могут расти плотоядные растения и плотоядные грибы, причем неведомых видов. Здесь трудно найти место, куда хоть раз ступала нога человека.

В последнее время ходили, правда, слухи о железной дороге, что скоро будет протянута из Штернбурга в Степнянск и пройдет примерно по этим местам. Ну, может, чуть западнее. А только «скоро» на Тверди понятие относительное. Лет через пять-десять, может, и протянут узкоколейку и пустят по ней паровоз... И то вряд ли так скоро. Для подобных работ нужны толпы рабочих, а кто будет платить им жалованье? У нас лишних людей нет, каждый твердианин при деле. К примеру, отец Джафара – разве он бросит свою ферму ради сомнительного приработка, к тому же временного? Ищи дурака. Он и ухом не поведет. Видно, придется властям вербовать для этой работы новых переселенцев, особенно тех, кого выслали к нам насильно, и обещать им клочок земли, подъемные и забвение прошлых грехов по окончании прокладки узкоколейки...

Узкоколейка, да. И паровоз. Диаметр Врат – полтора метра, гиперканал жрет энергию непрерывно, причем в экспоненциальной зависимости от площади его сечения, так что неразъемную крупногабаритную технику к нам с Земли не переправишь. Разную мелочь и втридорога – пожалуйста, но все, что не проходит по габаритам сквозь Врата, земляне любезно предоставили изготавливать нам, твердианам. Паровоз – это еще немалое достижение для нас. Так же, как заводское оборудование. Найдена нефть, а нефтеперегонный заводик в нашем округе всего

один, да и тот хилый. Не можем строить больших агрегатов ни для химического, ни для какого иного производства. Уголь и руду – и те добываем кирками. В нашей земле много чего есть, а берем пока по крохам. Вот и получается примитивнейшая из железных дорог с угольным или даже дровяным топливом вместо антиграва или хотя бы магнитной подвески. Впрочем, это еще что – первопоселенцы начинали вообще с одним тягловым скотом!

В Диких землях и я ощущал себя пионером, прокладывающим новые пути. Не скажу, что я сильно боялся, – скорее наслаждался приключением, будто их и без того было мало. А чувство опасности действовало вроде острой приправы. Я внимательно осматривал все, что попадалось на глаза: деревья, траву, взрытую какими-то животными почву, попадающиеся изредка скальные выходы. Само собой, я надеялся, что мне повезет. Повезло же Майлзу Залесски, скромному служащему лесозаготовительной компании, который отправился в лес размечать участки и наткнулся не на что-нибудь, а на месторождение, и не какое-нибудь там золотое, а скандиевое! Он нашел уникальный минерал, нигде, кроме Тверди, доселе не известный! В нем скандия до десяти процентов. Кто разбирается, тот скажет, что такого просто не бывает. Ну, где-то, может, и не бывает, а у нас есть. А скандий, я вам доложу, такой металл, что для технических нужд лучше него природой еще ничего не придумано, вот только мало его, и рассеян он, богатых месторождений нет. Залесски открыл первое, ну а дальше повел себя по-умному, и теперь он, наверное, самый богатый человек на Тверди. Почти весь скандиевый концентрат отсюда идет на Землю через Врата.

Повезло Залесски? Повезло, никто не спорит. Но везет тем, кто умеет смотреть и видеть, а не просто глазаест по сторонам без цели и смысла.

Да если бы только в одних минералах было дело! На Тверди то и дело открываются новые виды растений и животных, причем растения явно полезнее. Вот, скажем, хваталка зеленая – хищная тварь, что пластается в лесу по земле и норовит сцапать любое мелкое животное, что наступит сдуру на ее лист. Ногую может обнять, как сапог, и не избавишься от нее, пока не срежешь. А ведь каучуконос! Кое-где у нас хваталку уже выращивают на плантациях, прикармливая пищевыми отходами. И лекарственные растения есть, и всякие...

Вначале местность напоминала саванну, но чем дальше на север, тем выше становились деревья и тем ближе друг к другу они росли. К полудню мы пробирались уже по настоящим джунглям и радовались густой тени. По стволам бегали ящерицы. Приклеившиеся к ветвям эхо-слизни тихонько повторяли стук копыт. То и дело мы пересекали звериные тропы. Попадались следы, вгоняющие в оторопь размерами и глубиной вдавлен от когтей. На малой полянке штук шесть некрупных хищников, заметив нас, прыснули во все стороны от растерзанной добычи – судя по запаху, это был мускусный вепрь. После этого я навязал своей Заразе на шею колокольчик, будто корове. Старый испытанный способ остаться в живых в диких местах – побольше шуметь. Кто шумит, идя по лесу, тот ничего и никого не боится, и звери это знают. А кто не боится? Тот, кто самый могучий. Бывает, конечно, что истинный хозяин леса, находясь в плохом настроении, не поверит этому, но сколько их, истинных хозяев? Один-два на сотню квадратных километров. И сколько на той же территории менее крупных, но не менее опасных для человека хищников? А? Вот то-то и оно.

И все же мы встретились с хозяином леса.

Нет, я тут был ни при чем. Я все делал как надо. Быть может, тот дикий кот был попросту глух или раздражен чем-то? Или чересчур голоден?

Двумя гигантскими прыжками он вынесся справа и вторым прыжком обрушился на лошадь Джафара. Все произошло почти беззвучно. Краем глаза я заметил серую молнию, а когда по ушам полоснул крик, Джафар уже лежал на земле, придавленный лошадьё, и шея лошади была повернута под неестественным углом. Только тогда кот зарычал, а я ведь даже не успел еще развернуть свою Заразу! И уж подавно я не успел бы перебросить ружье через холку и прицелиться, прежде чем кот прыгнул. Я даже не уверен, что успел бы выстрелить,

напади на нас кот слева, а не справа. То есть выстрелить бы, пожалуй, успел, но попасть сумел бы только случайно.

Джафар вопил. На его месте я прикинулся бы мертвым, если бы только умудрился сохранить хладнокровие. Жаль, что в подобных случаях наилучшее решение приходит в голову задним числом, а когда тебе грозит смерть скорая и лютая, мозги напрочь отказывают, мышцы тоже, и только бесполезный вопль рвется наружу из сжавшейся в ужасе плоти: «А-а-а-а...»

Я выстрелил, стараясь не задеть Джафара, и попал коту в крестец. Мог бы вообще промахнуться – уж очень перестраховывался, – но дикий кот имеет одно ценное свойство: он длинный. Лапы короткие, а туловище почти змеиное, гибкое, как пожарная кишка, только толще. Кот заорал так, что моя Зараза прыгнула в сторону, оставил в покое Джафара, которому всерьез собирался отъесть голову, и прыгнул на меня. Прыжок у него получился не очень, и я, дослав патрон, угостил его еще одним зарядом картечи. Кот покатился с мерзким воем, и тут уж надо было не зевать. Третий заряд разнес ему башку, и стало бы совсем тихо, если бы Джафар перестал кричать. Кот еще подергался и затих. Я спешился и кинулся к Джафару.

– Ты как? Я тебя не задел?

Он прекратил вопить и начал стонать.

– Разлежся! Вылезай давай! Сам сможешь?

Он не мог. Скривился от боли, закусил губу и оставил попытки. Даже не отвернулся, чтобы скрыть выступившие слезы. Видно, ему было здорово больно.

Если вы думаете, что освободить человека из-под мертвой лошади легко, то сами как-нибудь попробуйте. Ифрит – смирный старый мерин совсем не богатырских статей, но все же это настоящая лошадь, а не пони и весит соответственно. Я взял Джафара под мышки и начал было тянуть, но он завопил так, что в Штернбурге, наверное, было слышно.

– Ты чего?

– Нога...

Я прекратил изображать собой буксир и пошел вырубать жердь для рычага. В конце концов сделал подходящую вагу и попытался приподнять лошадиный круп.

– Ползи, чего ждешь? Ползи давай!

Он попытался. Слезы полились градом – вот и весь результат. Да еще ужасный крик, когда я опустил вагу, сказав, что надо взяться за дело иначе. Крик напугал меня. Похоже, Джафар сломал ногу. Черт побери, в самом начале полосы Диких земель, что нам предстояло одолеть!

Ладно... Справимся...

Я размотал веревку, одним концом привязал ее к дереву, а другой сунул Джафару.

– Хватайся. Когда я вновь приподниму лошадь, вытягивай себя.

С четвертой попытки у нас получилось. К тому времени Джафар только что не терял сознание – лежал, мучился и не мог вообще ничего, разве что стонать. Я разрезал ему штанину. Так и есть – перелом бедренной кости со смещением. К счастью, закрытый.

– Чепуха, – с напускной грубостью сказал я, окончив осмотр. – Сейчас шину наложим. Поедешь на Заразе. И пожалуйста, не падай в обморок, не усложняй мне жизнь...

– Ты не бросишь меня? – Он всхлипнул.

Мне захотелось дать ему по шее за такой вопрос.

– А ты? Ты теперь конный, а я пеший. Не ускачешь от меня, нет?.. Молчи уж. Ружье вот возьми, прикроешь, если что...

Я срезал подходящий сук и ножом довел его до кондиции. В аптечке, что собрала мама, нашлись бинты – попорченные червями, они все жегодились. Джафар ужасно орал, когда я выпрямлял ему ногу и приматывал к ней шину, но так и должно было быть. Пусть орет. Пусть кроет меня последними словами. Раз ругается, значит, пока что не собирается помирать, а мне того и надо. Чтобы я завел в Дикие земли товарища, а вернулся один? Не бывать этому.

Кое-как я взгромоздил Джафара на Заразу и переложил его барахлишко в свои седельные сумы. Вручил ему мелкашку – следи, мол, с высоты за обстановкой, верти башней, – а сам повесил на шею свое ружье и повел лошадь в поводу. Не успели мы отойти на двадцать шагов, как некий чешуйчатый зверек, некрупный, но с громадными острозубыми челюстями, возник неведомо откуда и одним движением морды вспорол мертвой лошади брюхо. Тотчас из-за поваленного обомшелого ствола выскочили еще две такие же твари. Падалышки. Наверное, они следовали за котом, надеясь на крохи с «барского» стола, а теперь и кот будет обглодан ими до последней косточки. Похожих зверей у нас испокон веков называли шакалами, но эти были крупнее, зубастее и, кажется, не такие уж трусы. Во всяком случае, я порадовался тому, что у них появилось занятие и они не собирались нас преследовать. А до ночи мы далеко уйдем.

Так и вышло. Зараза всхрапывала, колокольчик на ее шее исправно звякал, и никто не осмелился напасть на нас. Джафар крепился, но ему было нехорошо. Невооруженным глазом было видно, что у него начинается жар. На очередной стоянке я зарядил инъектор универсальным антибиотиком и ввел ему хорошую дозу.

– Вот так-то. Теперь лежи. Не дрейфь, доедешь в полной сохранности и без гангрены... Насчет гангрены я, если честно, не был уверен, но старался говорить весело и бодро.

Он не ответил, да я и не собирался втягивать его в разговор. Сделать ночевку в Диких землях хоть сколько-нибудь безопасной – непростая задача и для двоих, а я работал один. К тому же надо было оборудовать лагерь так, чтобы ночью поспать хотя бы два-три часа, иначе завтра я окажусь ни на что не годен. Словом, дел у меня хватало.

– Надо выбираться отсюда, – вдруг сказал Джафар, когда я уже почти закончил громоздить вал из колючих ветвей.

– Ха! А что мы, по-твоему, делаем?

– Не надо идти в Штернбург, – заявил Джафар. – Надо идти на запад. Там кончаются Дикие земли. Там фермы.

– Ты бредишь? – спросил я. – Отсюда что на запад, что на север – одинаково. Я знать не знаю, кто встретит нас на западе, а в Штернбурге живет дядя Варлам. Он поможет.

– Провались ты со своим дядей! Пусть нас найдут! Я хочу, чтобы нас нашли!

– Ты мне еще поори... Уже сломался, да? В полицию захотел?

Да, он сломался, я это видел. Пожалуй, теперь мы действительно могли пойти и сдатьсь с надеждой на то, что к нам отнесутся по-человечески. Не все полицейские садисты. Мнечто, положим, достанется на орехи, зато Джафара свезут в госпиталь, а там, глядишь, вся эта история и вовсе позабудется...

Да, ему надо на больничную койку, и как можно скорее, думал я. Но ведь что на запад, что на север – действительно примерно равный путь...

– Я свой телефон включил, – сообщил Джафар, обиженно посопев.

– Полезное дело, – ухмыльнулся я. – И давно?

– Часов пять уже.

– Ну и как оно?

– Будто не знаешь. Никак. Связи нет.

– Естественно. Здесь Дикие земли. Кому тут нужна связь? Разве что полицейские до сих пор летают над лесом на вертолете с пеленгатором... Очнись!

– И ты свой телефон включи, – потребовал он.

– Да пожалуйста! – Я включил и продемонстрировал. Телефоны у нас были одинаковые, стандартная колониальная модель с зарядом на месяц и маломощным радиомаячком. В условиях Тверди маячок – вещь крайне полезная. Будут хорошо искать – непременно в конце концов найдут если не живого человека, то уж по крайней мере его кости, чтобы со всем уважением положить их в гроб.

Колючий вал ограждал нашу стоянку, а в единственном проходе пылал костер. Приняв дозу успокоительного, Джафар уснул на подстилке из мха. Я остался на страже. Кричали какие-то птицы, шуршал кто-то в кустах, и некто грузный и неповоротливый хрустел поодаль в валежнике. Может быть, даже лесной толстопят. Мне вспомнилось, как наш учитель твердеведения говорил, что, в общем-то, на нашей планете по сравнению с Землей и другими колониями довольно-таки бедная материковая фауна, чего не скажешь о морской. Как будто все сухопутные виды, оказавшиеся достаточно сообразительными, вновь вернулись в океан, оставив наземным экосистемам только то, без чего те не могли обойтись. Ну, мне так не показалось – особенно после нападения кота. Не казалось и сейчас.

Я не осуждал Джафара. Как бы я сам поступил на его месте? Можно крепиться, можно даже хорохориться, но ведь пока сам не сломаешь ногу, ответа не получишь, вот что противно. Что есть критерий истины? Говорят, будто практика. Не спорю. При этом добавляют, что общественная, а по-моему, и личная тоже.

К полуночи я начал клевать носом. Вставал, двигался, приседал и прыгал, подбрасывал сучьев в костер, и все равно начинал засыпать, чуть только вновь опускался на мох. Всю ночь мне прыгать, что ли?

Я так и сделал. И напрасно, что обиднее всего. Никто не напал на нас, никто даже не заинтересовался нашим укрытием. На рассвете я растолкал Джафара и велел ему бодрствовать, а сам все-таки вздремнул немного. Когда пришла пора двигаться дальше, Зараза посмотрела на меня столь укоризненно, что я невольно отвернулся. Ей приходилось не слаще, чем нам. Вода в лесу была, струилась ручейками, застаивалась в болотистых низинах, но трава не росла, а древесные листья – плохой корм для лошади. Ничего, дотерпит... И кобыла дотерпит, и мы. До Одинокой горы доплетемся уже сегодня, а там и Штернбург недалеко...

– Ты уверен, что нужно туда взобраться?

Джафару очень хотелось, чтобы я ответил «нет». Но кто бы мне точно указал, с какой стороны от горы лежит Штернбург? Приблизительно к северу – это я знал. Но насколько приблизительно? Может, к северо-западу или к северо-востоку? Ошибка в направлении могла дорого нам обойтись. Фигаро говорил: «Я всегда следую моим собственным советам». Он правильно делал.

– Не дрейфь. – Я устроил почти нормальный лагерь, нагромоздил вал из колючих ветвей и спрятал за ним кобылу и приятеля. – Я возьму твою мелкашку, а тебе оставляю мое ружье. Там картечь. Бей всякого, кто сунется, если у него больше двух ног. Да не спи! Я скоро.

Подняться на вершину оказалось труднее, чем я думал. Для начала мне пришлось взять сильно к югу, чтобы как можно дальше обойти колонию волчьих жуков, а потом, взобравшись повыше, вновь тащиться к северу вдоль невысокой, но совершенно отвесной и гладкой скальной стены. Но и там, где не было скал, подъем был не сахар: крутизна склона то и дело заставляла меня карабкаться на четвереньках, а осыпи выводили из себя. Когда я достиг лысой вершины, солнце уже коснулось краем горизонта.

Первым делом я нашел в лесном море Штернбург – точнее, не сам город, а дым из фабричной трубы, – и только потом утер с лица пот и кое-как отдышался. Ноги противно дрожали, сердце колотилось как сумасшедшее. Я вспомнил, что опрометчиво не захватил с собой фонарик, и выругал себя за слабые умственные способности. Спуск пройдет быстрее, чем подъем, но, если возвращаться тем же путем, с Джафаром я воссоединюсь уже в полной темноте. Волей-неволей я должен был найти спуск покороче и даже на нем не терять времени.

Я заспешил вниз. Добравшись до скальной стены, взял чуть правее – так я огибал колонию волчьих жуков с другой стороны и по более короткому маршруту. Темнело быстрее, чем мне хотелось. События вообще происходят либо медленнее, либо быстрее, чем нам хочется. Либо не происходят вообще.

Размышляя об этом, я наткнулся на целую просеку в зарослях, проделанную танком или, вернее, толстопятком. Зверюга явно мчалась куда глаза глядят, а откуда она взяла старт, гадать не приходилось: из колонии волчьих жуков. Глупые пять тонн мяса вперлись на чужую территорию, были покусаны и пустились наутек. Судя по еще не успевшему рассеяться тяжелому запаху зверя, это произошло совсем недавно. Понятное дело, мне не хотелось встречаться ни с озлобленным толстопятком, ни со стаей жуков, способных прокусить шкуру в два пальца толщиной. Я взял направление под прямым углом к просеке и продолжил спуск. Лишний крик, но он должен был выйти совсем небольшим.

Стало еще темнее, но и склон был уже не столь крут. Я почти бежал, пугая мелкую живность, перепрыгивая через упавшие обомшелые стволы. И испытал огромную радость, когда впереди за деревьями забрезжил слабый свет. Джафар, конечно, догадался развести костер!

Лишь потом до меня дошло, что этого не могло быть даже теоретически. Я оставил приятеля у подножия, где склон был почти не заметен, а здесь крутизна Одинокой горы еще вполне ощущалась. Но глаза не врали – из-за деревьев действительно шел свет.

– Эй, Джафар! – закричал я, хрустя валежником. И, приблизившись, оторопел.

Такой свет не мог идти от костра. Бледно-зеленое сияние даже на вид казалось холодным, да таким оно и было на самом деле. Оно исходило от поставленного вертикально круга диаметром метра два или, может, чуть больше. Светящийся круг висел в воздухе, не касаясь земли, сквозь него можно было с трудом разглядеть ветви деревьев. И ни единого звука. Ни электрических шорохов, ни потрескиваний, какие, бывают от шаровой молнии, если только очевидцы не врут. Да и кто хоть раз видел шаровую молнию двухметрового диаметра?

Нет, это была не молния. Сделав несколько шагов вбок, я понял, что передо мной не шар, а диск. И диск этот мог быть только одним из известных мне объектов.

Вратами.

Почти такими же, как в Новом Пекине. Только те Врата, насколько я знал, были вделаны в подобие арки, а не висели в воздухе без всякой опоры. А еще они были меньшего диаметра и светились не зеленым, а лиловым. Но все же сомнений не было: я видел перед собой именно Врата.

Возможно, новые, пробитые с Земли неточно?

Врата... Мечта любого твердианина. Мы рождаемся, живем и умираем на Тверди. Лишь единицы из нас достаточно богаты, чтобы оплатить экскурсию на Землю. Поэтому мы ненавидим землян. Мы – изгой, а за что, спрашивается? За то, что наши прапрапрадеды переселились или были изгнаны с Земли на Твердь? Но мы – это мы, а не наши прапрапрадеды!

Ноги сами несли меня к Вратам. «Что же я делаю? – мелькнуло в моей голове. – Джафар... У него ведь останется совсем мало шансов, если я вдруг не вернусь... Сто против одного. Мне нельзя туда, я должен как можно скорее отыскать Джафара...»

Но я уже не мог остановиться.

Шагнул – и наткнулся на что-то упругое. Оно вытолкнуло меня. Повторил попытку – тот же результат. Как будто я пытался продавить собой резиновую мембрану.

Я отшагнул и попытался взять препятствие с разбега. Меня отбросило, и я больно приложился ребрами о торчащий корень. Нет... Эти Врата не для меня. Они меня не пропустят...

А кого они пропустят?

Ладно, буду совсем честным: данная мысль посетила меня позднее. А в тот момент я был обескуражен и обижен до крайности. Как же так – меня не пропускают!

Я заметил, что светящийся круг не стоит на месте. Он медленно перемещался, как бы плыл низко над лесной подстилкой. Я не придавал этому значения – настроение не способствовало.

Выругался. Набрал в рот побольше слюны и смачно плюнул. Все. Хватит. Я решительно зашагал прочь. Больше не ведусь на дешевые провокации. Детей маните пустыми конфетными фантиками, не меня!

А в голове все равно стучало: «Сволочи! Ах, сволочи!»

Закат догорел. Стало совсем темно, если не считать света Карлика, да и тот не очень-то усердствовал. К тому же сплошной полог ветвей и листьев над головой – это вам не шутка. Я даже не мог определить, висит ли в небе хоть одна из лун. И уж давно не мог определить направление на лагерь.

Делать нечего, пришлось стрелять в воздух. Выстрел у мелкашки хлесткий, но не очень громкий, однако я надеялся, что он разнесется по лесу хотя бы шагов на пятьсот. Звук моего выстрела произвел незапланированный эффект в виде треска сучьев позади меня. Судя по всему, какой-то зверь выслеживал меня и, струхнув, дал деру. Это ночь, успокаивал я себя. Это лес. Все так и должно быть, чего испугался? Но руки дрожали, а сердце выскакивало.

Потом я услышал ответный выстрел и слабое ржание Заразы. Ага! – значит, я почти не отклонился от курса. Ай да я! Ну не молодец ли?

Глава 4

– Кретины, – ворчливо поносил нас дядя Варлам. – Эмбрионы. Несмысленыши. Диких земель им захотелось! Могли бы проделать весь путь краем буша, и никто бы вас не нашел. И лошадь была бы цела, и нога...

Он ругал нас на чем свет стоит, но ругал совсем не обидно и даже занятно. Мне казалось, что поток эпитетов, который он выливал на наши головы, вот-вот закончится, но всякий раз я ошибался.

– Охламоны, дармоеды, имбецилы, ротозеи, кое-какеры...

Потом дядин фонтан все-таки иссяк, и он спросил меня:

– Ну и что ты теперь собираешься делать?

– Джафару нужно в больницу... – начал я.

Дядя махнул волосатой рукой.

– Ему нужна не больница, а просто толковый врач. Пока вы спали, я сходил поговорить кое с кем. Врач будет. Отменный костоправ. Твоему приятелю нужен фиксирующий аппарат, но его не будет, потому что в больнице хватятся. Будет гипс, так что нога твоего кореша некоторое время будет смахивать на ногу памятника. Способ дедовский, но вполне пригодный. Все равно вам нельзя никуда выходить.

– А деньги? – спросил я. – Мама...

– Уймись, – оборвал меня дядя. – Как-нибудь сочтемся. Не в деньгах дело, а в приятеле твоём. Что, если он без ноги останется? А если и вовсе помрет, а? Как ты его родным в глаза смотреть будешь, вот что мне интересно. Расскажи-ка.

Я ужаснулся.

– Так плохо, да?

– Погано. Ты ему антибиотики хоть колот?

– Дважды в день.

– И то ладно, – сказал дядя Варлам, чуть-чуть смягчившись. – И все равно ты обормот.

– Это еще почему? – возмутился я.

– Потому что рано или поздно плохо кончишь. Тебя кто-нибудь просил пускаться в бега?

– Но Джафар...

– Это его дело, – отрезал дядя. – Если нашкодил один, то почему расплачиваться должны двое? Тебе это в голову не приходило?

– Но я сам...

– Потому и обормот. Один пустоголовый юнец стреляет из рогатки без всякого смысла, из чисто хулиганских побуждений, а второй помогает ему скрыться. Оба дураки.

Сказать, что мне стало обидно от этих дядиных слов, значит ничего не сказать. Был бы я один – ушел бы немедленно, хлопнув дверью. Впоследствии я не раз спрашивал себя: не из-за этой ли обиды я ничего не сказал дяде Варламу о неизвестно чьих Вратах на склоне Одинокой горы?

А дядя нацедил себе из бочонка еще стаканчик пива. Нацедил и мне.

– Будешь? Ну нечего, нечего строить тут мне оскорбленную невинность! Пей.

Я выпил. Пиво оказалось холодным, видать, только что из погреба, и с какой-то отдушкой – не иначе дядя опять экспериментировал с травяными настоями. Наш, твердианский напиток. Господин Мбути, свихнувшийся на Земле и землянах, обмолвился как-то раз, что в метрополии не продают пиво детям, не достигшим девятнадцатилетнего возраста, – так весь класс от хохота под парты сполз, корчась и подвывая. Восемнадцатилетние у них – дети! Умора. Хотя чего еще ждать от уродов? Мне-то, конечно, доводилось пробовать и что покрепче, особенно когда не хотелось ударить в грязь лицом перед парнями, а только пиво – это пиво. Про-

тив него и мама никогда не возражала. А что от пива брюхо растёт, так это чушь. Кто работает в поле, у того брюхо не вырастет. Да и не только в поле. Вон у дяди, например, нет и намека на пивной живот, хоть он и наполовину горожанин. У него не ферма, а одно название – и крошечная, и до окраинных домов Штернбурга от нее за пять минут дойдешь.

– Ты дважды сделал глупость, – сказал мне дядя Варлам, смахнув тыльной стороной ладони пену с губ. – Во-первых, ввязался в эту нелепую историю... Молчи! Глупость, по-видимому, заразна. Джафар твой – конченный придурок, и вы с ним одного поля ягоды. А во-вторых, ты сам рассказал мне, как Джафар, когда его угораздило ногу сломать, уговаривал тебя пойти на запад, а не на север. Ты его не послушал.

– Но я же был прав!

– Да, ты был прав. Повернув на запад, вы ничего не выиграли бы во времени да еще угодили бы в лапы полиции. Но если Джафару отрежут ногу, то в глазах его семьи виновным в этом будешь ты и только ты. – На меня уставился дядин указательный палец. – Так и будет, даже не сомневайся. Одна ошибка волочит за собой целый хвост других. Твое счастье, что Джафар сломал только ногу, а не шею!

Само собой, я полез спорить, но тут направленный на меня дядин палец поднялся кверху.

– О! – сказал дядя. – Это врач. Ступай-ка на чердак, подожди там.

Никакого звука, свидетельствующего о прибытии врача, я не услышал, но решил, что дяде виднее. Наверное, на такой случай у них имелась своя особая сигнализация, недоступная непосвященным. Понятно было, зачем дядя Варлам отсылает меня, – чтобы я не мог описать, какой он внешности, этот врач. Разумно, хотя обидно.

Впрочем, обижался я недолго, как раз столько времени, сколько понадобилось, чтобы забраться по приставной лестнице на чердак. Расположившись наверху на кипах старых газет, я начал соображать.

Нет, мама все-таки знала, к кому нас направить! С самого начала мне стало ясно, что дядя Варлам не собирался выдавать нас, а теперь еще оказалось, что у него есть какие-то тайные дела и связи! Кто этот врач? Я пошуршал пыльными газетами, но никаких щелей в полу не обнаружил. Ладно... Может, и вправду будет лучше, если я не узнаю лишнего. Конечно, я не сомневался в своей способности выдержать без стога любую «обработку» в полицейском участке, но и до меня дошло: кто ничего не знает, тот уж точно не выдаст. Но интересными вещами, оказывается, занимается дядя Варлам!

На чердаке было жарко. Очень скоро я взмок и рискнул приотворить слуховое окно. Вечерело. За освещенными закатным солнцем кронами деревьев кой-где виднелись черепичные крыши – там начинался Штернбург. Валил черный дым из кирпичной трубы на заводской территории. В хлевах соседней фермы мычало и хрюкало, ветерок доносил оттуда запах навоза. По дороге с насаженными вдоль обочины деревьями-свечками лениво катилась повозка с двигателем в одну лошадиную силу. Двигатель мотал головой и хвостом, отгоняя насекомых. Скукота, как и ожидалось. Да и что интересного может произойти в Штернбурге, когда даже в нашем Степнянске оно происходит не каждый месяц?

Я лег на пол, прижался ухом, но не смог расслышать, о чем говорили внизу врач и дядя Варлам. Так, невнятное бормотание типа «бур-бур-бур». По идее Джафар должен был вопить или хотя бы охать, когда врач ставил ему на место поломанные и смещенные кости, – но и этого не было слышно. Наверняка дядя Варлам кольнул Джафара чем-нибудь усыпляющим, прежде чем допустить к нему врача. А то странно получается: меня выгнали, чтобы я не смог опознать врача, а Джафара, выходит, можно? От нечего делать я стал рассматривать газеты.

Все они были древними, самая свежая – десятилетней давности. Страницы пожелтели, а бумага норовила распасться в руках. Сначала я даже одобрил ее намерение, потому что все равно там не было ничего интересного: сообщения о новых стройках, об отвоеванных у джунглей и пустынь землях, о всенародном ликовании по поводу перевыборов нынешнего пре-

мьер-губернатора на новый срок, о мерах, предпринимаемых Администрацией против засух и наводнений, ну и прочая скука в том же роде. Потом на глаза мне попала заметка, отчеркнутая карандашом. В ней сообщалось о единодушном воодушевлении, с которым колонисты Тверди встретили известие о пресечении силами правопорядка деятельности подрывной группы «Укоренение». Только это и больше ничего. Совсем маленькая заметочка.

Пожав плечами и убедившись, что кроссворд на последней странице целиком разгадан, я перешел было к следующей ветхой газете – и вдруг замер. Постойте-постойте! Это что же получается – у нас на Тверди была «подрывная» группа? Не просто общее недовольство положением дел, а реальная организация?

А то и получается, что была! Когда бишь эти сволочи «пресекли ее деятельность»? Пятнадцать лет назад. Давнее дело, никто уже и не помнит о нем. Мне, во всяком случае, никто не рассказывал о каких-то там подпольных группах недовольных. Это ж как должно было допечь людей, чтобы они объединились в какую-то группу!

Некоторое время я размышлял об этом. Мы, твердиане, народ в общем-то покладистый, особенно взрослые. Бывало, бесишься от невозможности ничего изменить и встречаешь только словесное сочувствие. Ну да, мол, все у нас плохо, метрополия стришет нас, как баранов, Администрация – сплошь шкуры и лизоблюды, премьер-губернатор – гнида и так далее. На слова-то все щедры, тем более что за слова у нас обычно не наказывают. А предложи любому недовольному место третьего заместителя регионального инспектора при Администрации – заплашет от радости и мигом сменит лексику. Вот такие мы, твердиане.

Потом за окном стемнело, и читать на лишенном освещения чердаке стало невозможно. А еще через полчаса дядя постучал ручкой швабры в потолок в знак того, что я могу спуститься. Джафар спал сном младенца. Его нога и впрямь заставляла думать, что к нему приходил не врач, а скульптор. Дядя поманил меня в гостиную.

– Жить будет, и нога при нем останется. Пива хочешь?

Я ответил утвердительно, и он налил нам по стаканчику.

– Отсидитесь у меня. Потом... подумаем.

– Как бы маме дать знать, что со мной все в порядке? – спросил я. – Ну, или родителям Джафара...

– Незачем, – отрезал дядя. – Они взрослые люди, потерпят еще несколько дней.

– Думаешь, они под наблюдением?

– Тут не думать надо, а просто принимать в расчет такую возможность. Твоя мама – кремень, она поймет. И уж точно не наделает глупостей.

Я чуть было не спросил, откуда он это знает, да вовремя прикусил язык и мысленно обозвал себя придурком. Кому же знать маму, как не дяде Варламу. Первый муж все-таки. Мне очень хотелось спросить прямо, отчего же они все-таки развелись, но, пораскинув немного мозгами, я решил, что не моего ума это дело. Да и не стоит лезть в душу тому, кто, рискуя, дает тебе пищу и кров.

Тогда я спросил о газетной заметке.

– Нашел все-таки? – восхитился дядя. – Глазастый.

– Совсем маленькая заметка, – сказал я, – и всего одна почему-то. В следующих номерах о группе «Укоренение» больше нет ни слова, я смотрел.

– Плохо смотрел, – сказал дядя, – иначе не задавал бы таких вопросов. Всегда полезно заглянуть в выходные данные. Из-за этой маленькой заметки были уволены главный редактор и цензор. На страх тем, кто занял их места.

– Почему были уволены? – спросил я, моргая.

– Не понимаешь? Это очень просто: Твердь – лояльная колония, и никаких сепаратистов у нас не существует. Администрация на высоте. Она у нас всегда на высоте, исключая недавний случай с министром. – Дядя хихикнул.

– Как это сепаратистов не существует? – запротестовал было я. – Да почти каждый...

– Что каждый? Не любит Землю и землян? Ну и что с того, спрашивается? Сепаратизм есть, а сепаратистов нет, потому что нет организации. А организации нет потому, что никого из нас – я разумею твердиан – еще не припекло всерьез. Ругать Землю и Администрацию мы все мастера, а много ли толку?

Он был прав, но такая правда задевала за живое. И я принялся спорить.

– Ну, если все недовольны...

– То и останутся недовольными, – перебил дядя. – Нужна структура, центр, организация. И правильный выбор момента. Согласись, кристаллик в ненасыщенном растворе не станет центром кристаллизации, а вульгарно растворится.

– Но ведь была группа «Укоренение»?

– Была, – согласился дядя, – и сплыла. Все население сочувствовало ей, но никто не поддержал делом. Ее время еще не пришло, но мы тогда по наивности этого не понимали. Ты думаешь, большая была группа и влиятельная? Ничего подобного – так, несколько человек... Администрация прихлопнула ее, почти не заметив. Ты, может быть, удивишься, но не последовало никаких серьезных репрессий. Трех отправили в ссылку на год, остальные предпочли раскаяться.

– А ты, – понизив голос до шепота спросил я, – тоже входил в эту группу?

– Ага, – беззаботно ответил дядя.

– И отбывал ссылку? – спросил я, замирая от восторга.

– Нет. – Он подмигнул мне. – Я раскаялся.

Несмотря на многозначительное дядино подмигивание, я был шокирован. Уж кто-кто, а дядя Варлам?.. Раскаялся? Да еще, быть может, публично?! Чтобы привести в порядок чувства, я выхлебал стаканчик до дна. Не помогло.

– Я раскаялся и был прощен, – продолжал дядя. – Года полтора я находился под наблюдением, потом его сняли. И вот уже тринадцать с лишним лет я лояльный государственный служащий, восьмой человек в муниципалитете Штернбурга и перспективный кадр. Учитывая мое прошлое, мэром мне, вероятно, не бывать, но стать первым замом очень даже могу. Недурная перспектива?

Я отмолчался. Было горько. Если бы не Джафар – я бы хлопнул дверью и больше не возвращался в этот дом.

Дядя только усмехнулся по-доброму.

– Потом поймешь, а пока не наломай дров. Всякой задаче – свое решение. Допустим, тебе надо пересечь Дикую территорию – не краешком джунглей пройти, как ты с приятелем это сделал, а пересечь их из конца в конец? Ты один, и оружия у тебя нет. Пойдешь?

– Еще чего! – фыркнул я. – Съедят.

– И как же ты станешь действовать?

– Либо найду оружие и двух-трех надежных ребят в команду, либо обойду Дикую территорию по периметру. Канителью, конечно, а что делать?

– То-то же, – кивнул мне дядя. – Еще пива будешь?

Сказать, что дядины слова мне не шибко понравились, значит ничего не сказать. Дядя Варлам – и вдруг такое! Не ошиблась ли мама, посылая нас с Джафаром к нему? Наверное, она помнила его еще прежним – настоящим твердианином, а не... лояльным служащим из числа вороватых подонков, прикормленных Администрацией. Неужели и я когда-нибудь стану таким же?

А вот хрен вам! Не стану.

С другой стороны – дядя все же дал нам убежище, позаботился о враче для Джафара и явно не собирался выдать нас полиции. И я пришел к выводу, что не нужно его злить. Наверное,

он в основе прежний, размышлял я, просто скис от старости. Пиво вон тоже киснет, однако можно утолить жажду и таким, если нет ничего другого.

У нас-то ничего другого как раз и не было.

С утра дядя уходил пешком на службу и возвращался задолго до вечера, в самое пекло. Как видно, его служба не была особенно обременительной. Штернбург – небольшой городок, на Тверди таких, наверное, сотня. Не совсем захолустье, но и не место, где жизнь бьет ключом. В таких городишках жизнь вяло тащится как бы сама собой, а зачем – никому не понятно.

Как говорил Фигаро, от скуки жиреют только глупцы. Уже на второй день я изнемогал от безделья, а на третий – вышел прополоть грядки на огороде. Вернувшись со службы, дядя на меня напустился:

– Совсем мозгов лишился? А если кто увидит? Марш в дом!

А что в доме интересного? Джафар целыми днями дрых – выздоравливал, а когда не спал, то крутил мне свой любимый ролик о том, как, дескать, он подвел свою семью и что же теперь будет. По-моему, его умственные способности, и прежде не блестящие, понесли тяжкий урон – в поломанной ноге у него мозги, что ли? Я слушал и чувствовал, что сам тупею – то ли от Джафара, то ли от безделья. И работой не отвлечешься; вымыть пол да состряпать ужин – вот и вся моя работа. Я прочитал все пыльные газеты на чердаке. Пробовал читать дядины книжки, но это была такая скукота, что хоть вой. Нормальной литературы дядя у себя не держал – сплошь шибко специальные труды по теории управления, социологии, политике, экономике и, как ни странно, по истории Земли. Уж последнее мне было нужно как толстопяту лишняя нога.

И главное: чувствовать себя дармоедом (да и быть им на самом деле) – это не по мне. Я так и сказал.

– Иди в дом, недармоед, – повторил приказ дядя.

– Сам бы полот грядки, раз мне нельзя, – огрызнулся я. – Гляди, сорняк на сорняке...

Короче, я скучал. Раз в день в глубоких сумерках мне разрешалось навестить Заразу на конюшне. Моя кобыла совсем пришла в себя, встречала меня радостным ржанием, и я тратил на нее не меньше часа – мыл, чесал гриву, задавал корм и болтал с нею ласково. Без этой отдушины я совсем затосковал бы, потому что вести разговоры с дядей мне больше не хотелось. На четвертый день он сам проявил инициативу.

– Есть новости, Ларс. Дуй сюда да нацеди-ка пивка нам обоим.

Я выполнил требуемое и приготовился внимать. Что еще за новости на мою голову?

– Полиция нашла стрелка, – сказал дядя.

– Да? – равнодушно спросил я. – И кто он?

– Ты будто бы не рад.

Я пожал плечами – чему, мол, тут радоваться? В кои-то веки на Тверди нашелся один отважный человек, не побоявшийся выставить в потешном виде нашего премьер-губернатора и земного министра, – и пожалуйста: вся полицейская сволочь поставлена на уши и ловит его. Твердиане ловят твердианина, а прикажи им убить его – убьют! Все-таки люди – большие сволочи. И дядя Варлам с ними.

– Один сумасшедший, – сказал дядя. – Он считался тихим и был отдан семье на попечение, а оказалось, что в тихом омуте черти водятся. Взял на чердаке ружье и пальнул издали в толстопяту, потому что цель большая, как в нее не пальнуть? Ну, теперь ружье конфисковано, попечители оштрафованы за невнимание, псих возвращен в лечебницу и все довольны. Чего и следовало ожидать. Ты пиво-то пей.

Мне было не до пива. С одной стороны, я испытал облегчение. Если стрелок – сумасшедший, то ничего они ему не сделают, ну разве что законопатят туда, где ему самое место. Собственно, уже законопатили. Да и мы с Джафаром можем, наверное, вернуться к своим. С другой стороны, было обидно. Что ж это: такое дело кончилось пшиком?

– Это был... настоящий стрелок? – спросил я.

Дядя крикнул.

– Никак не пойму: умный ты или дурачок? Суда по вопросам в твоей голове – умный. Судя по тому, что эти вопросы ты адресуешь лояльному служащему, – тупой. – Глаза его при этом смеялись. – Ладно, будем считать, что ты не лишен интуиции. Меня о таких вещах спрашивать можно, других – не советую. Отвечаю: тот малый не просто слабоумный, а еще и бельмастый на оба глаза. Он бы в толстопята с трех шагов не попал. Так уж получилось, что в распоряжении полиции не оказалось нормального зрячего сумасшедшего. Но это ничего не меняет.

– Значит, настоящего стрелка не нашли? – прозрел я.

– И не найдут, будем надеяться. Какое-то время его еще поищут, но уже более тонкими и менее пожарными методами. Потом перестанут. Дело-то закрыто, причем ко всеобщему удовлетворению. Администрация доказала свою распорядительность и отвела от народа Тверди подозрение в нелояльности. Псих – он и есть псих, с него взятки гладки. Любая комиссия светил психиатрии с Земли признает, что бедняга не в себе. Конечно, никакой комиссии не будет, но Администрация подстраховалась на всякий случай – сыскала настоящего сумасшедшего и объявила его стрелком, вместо того чтобы объявить сумасшедшим настоящего стрелка. Ко всему прочему его ведь не нашли. Пей пиво, пей.

Он и сам долил себе из бочонка и погрузил нос в пену.

– Значит, мы можем вернуться? – с замиранием сердца спросил я.

Дядя отставил в сторону пустой стакан, вытер нос и рыгнул.

– Можете, если хотите неприятностей. Вас считают замешанными и как следует потрясут. Попробуют выйти на настоящего стрелка. Живы, наверное, останетесь, но за здоровье не ручаюсь. У тебя есть запасные почки? Нет? Я почему-то так и думал.

– Что же нам делать? Оставаться здесь мы не...

– Не можете бесконечно? К сожалению, это так, кто-нибудь увидит тебя и донесет – просто из зависти ко мне. Я ведь чиновник, шишка на ровном месте, а значит, в точности на величину этой шишки выше фермера на социальной лестнице. Придется отправить тебя куда-нибудь подальше. Есть у меня один хороший знакомый на лесоразработках... Ты ведь работы не боишься?

– А школа? – спросил я, потому что так надо было спросить. Если честно, то в гробу я видал нашу школу с ее директором.

– Ты правда боишься отстать или просто придуриваешься? Есть ментопередатчик. Запишу тебе на подкорку все, что нужно, а ты будешь понемногу вспоминать. Когда все утихнет, вернешься и сдашь весь курс экстерном.

– А документы?

– Кому нужны документы на лесоразработках? – фыркнул дядя. – Ну ладно, держи. Может, пригодится.

С этими словами на стол передо мной шлепнулась мятая бумажка. Развернув ее, я узнал, что Кособрюхов Ахилл П. успешно прослушал теоретический курс управления локомотивами с паровым двигателем, каковое достижение дает ему право после прохождения практики выполнять работу помощника машиниста. Неразборчивая подпись, печать. Дата – прошлогодняя. С некоторых пор к нам на Твердь тоже проникло это поветрие – писать документы о всякой чепухе, вместо того чтобы просто спросить человека, что он умеет.

Я воззрился на дядю с немим вопросом.

– Служба в муниципалитете имеет свои преимущества, – пояснил он. – Это из утерянных, найденных и не востребуемых документов. Как видишь, ни твоего изображения, ни отпечатков, ни фото сетчатки, ни ДНК-кода данная бумажка не содержит. Значит, будешь Кособрюховым Ахиллом... э-э... Пелеевичем. – Дядя хихикнул. – В тех краях, куда я тебе советую на время отъехать, такого документа хватит с лихвой. Когда можно будет вернуться, я дам тебе знать. И за маму не беспокойся – я ее извещу.

– А Джафар? – спросил я.

– Вот навязался на мою голову увечный! – пробурчал дядя. – Не беспокойся, его тоже пристроим куда-нибудь, только не прямо сейчас, а когда доктор гипс снимет. А может, к тому времени его уже и пристраивать никуда не надо будет. Я тут погляжу, откуда и куда ветер подует. Очень может быть, что твой Джафар вернется домой раньше тебя. Ну как тебе предложение? Подумай. С ответом можешь подождать до завтра, а пока давай ужинать. Пива еще налей.

– Откуда у тебя столько пива? Сам вроде не варишь...

– А у меня родник в подполе, – хохотнул дядя. – Шучу. На самом деле я взятки беру пивом. Не веришь? Правильно делаешь, тоже шучу. Ну ладно, чего встал, давай тащи еду, голодный я...

На кухне все было в полном порядке, оставалось только разогреть. Я раскочегарил огонь, поставил на плиту горшок с рагу и заглянул в малую спальню, где дрых Джафар.

– Спишь? Просыпайся, ужинать будем.

Никакого ответа. Я пошалил ладонью по стене, попросил высшие силы, чтобы чахоточная городская электростанция сегодня работала, и нащупал сенсор.

Электричество было. Джафар лежал на постели, повернув набок голову – вернее, то, что осталось от головы.

Желтое и красное месиво растеклось по подушке.

С первого взгляда мне стало ясно, что Джафар мертв. Мертвее не бывает.

Глава 5

– Свет! Выключи свет!

Через мгновение дядя сделал это сам, оттолкнув меня в сторону от дверного проема, где я торчал столбом, замороженный зрелищем, веря и не веря в случившееся. Много позднее я подумал, что у дяди сверхъестественное чутье, – я ведь не издал ни звука. По-моему. Впрочем, не стану утверждать наверняка. Когда на человека нападает столбняк, провалы в памяти, по-моему, естественны.

Дядя немедленно метнулся назад и потушил свечу в гостиной. Стало темно, лишь свет Карлика да еще огоньки в окнах соседних ферм не позволяли назвать эту тьму кромешной. Дядя опустил на корточки и заставил меня сделать то же самое.

– Выждем... Молчи.

Я затаил дыхание. За окном едва слышно шуршали листья да временами принимались верещать ночные насекомые. Поверещат хором – утихнут секунд на пять, потом опять поверещат и снова утихнут. Больше никаких звуков. Глаза понемногу привыкали к темноте.

– Стекло, – шепнул дядя.

В импортном мембранном стекле, вставленном в оконную раму, зияло идеально круглое отверстие. Пожалуй, я мог бы просунуть в него кулак.

Прошло еще несколько минут. Ничего не произошло.

– Пошли, – сказал дядя.

Из стенного шкафа он достал автоматическую винтовку, присоединил магазин и передернул затвор. С полки того же шкафа добыл два ноктовизора, один нахлобучил себе на голову, второй отдал мне.

– Бери свое ружье и дуй на чердак. Увидишь поблизости кого-нибудь, кроме меня, – попытайся подстрелить. Лучше не насмерть. Справишься?

Еще бы я не справился! Любимое развлечение сельских парней – подбросить вверх консервную банку и лупить по ней дробью, не давая ей упасть, пока или патроны не кончатся, или дробь не порвет банку в мелкие клочья. В этом деле я достиг определенных успехов; попадал в подброшенную банку и пулей. Единственное, что смущало, – я ни разу не стрелял ночью с ноктовизором. Они мало у кого есть, потому что из метрополии к нам доставляют лишь то, без чего мы, по мнению Администрации, совсем загнемся.

Оказалось – ничего особенного. Очки как очки, только толстые, а видно сквозь них здорово. В первый момент я даже зажмурился, настолько ярко высветились кусты и хозяйственные постройки. Потом приновился и принялся наблюдать.

Никакого движения. Еле заметное покачивание ветвей на слабом ветерке – и больше ровным счетом ничего. Я отметил несколько мест, где сам бы спрятался, будь я убийцей, собирающимся продолжить свое дело, и уделил им особое внимание. Опять ничего. Либо убийца хорошо замаскировался и сидел на редкость тихо, либо его давно уже след простыл. Потом из-за угла дома показался силуэт, и я шевельнул стволом, но тотчас сообразил, что это дядя Варлам. Он обходил дом по периметру и, по-моему, зря подставлялся. Однако снова ничего не произошло. Минутой спустя внизу стукнула дверь.

– Спускайся.

В гостиной вновь горела свеча, но ставни уже были плотно закрыты. Дядя сел, прислонил винтовку к столу и жестом указал мне на второй табурет.

– Теперь рассказывай.

– Что рассказывать? – спросил я, угнездившись на табурете.

– Не анекдоты, конечно. Приди в себя, Ларс. Рассказывай, кому это надо отправить тебя на тот свет?

– Меня?

– Или тебя, или Джафара. Убийца не мог точно знать, кто лежит на кровати, ты или твой приятель. Постарайся припомнить еще раз: вас здесь никто не видел?

– Нет. Вроде нет. Мы же ночью до тебя добрались.

– Это ничего не значит. Вряд ли вас здесь ждали, но лучше принимать в расчет любую возможность. Теперь отвечай на вопрос.

Я крепко задумался. Пришлось не только напрячь память, но и подключить воображение. Попробуйте сделать это с холодной головой через пять минут после того, как наблюдали мозги и осколки черепа своего товарища, а я на вас посмотрю, если только вы не судмедэксперт. Дяде пришлось встряхнуть меня за плечо, прежде чем я начал худо-бедно соображать.

Нет. Чем больше я думал, тем сильнее приходил к выводу: никто на Тверди не желал моей смерти. Знакомые парни с соседних ферм? Не со всеми из них у меня были наилучшие отношения, но побить в честном бою или, допустим, послать из-за кустов заряд мелкой дроби в задницу – это одно, а убийство – совсем другое. Школа и окружное начальство? Даже не смешно. Старый Лин, чьи посевы я, случалось, топтал? Пф! Полиция? Блюстители законности могут, конечно, убить любого, но обычно не ведут себя как наемные убийцы. А главное, кто мог знать, что мы прячемся у дяди Варлама? Что бы он ни говорил, я мог поклясться: нас никто не видел. Никто не мог знать, где мы прячемся.

Кроме одного человека...

Что с мамой? Били ее, мучили?

– Ну? – нетерпеливо поощрил меня дядя.

– Не знаю, – высипел я. – Нет, наверное, таких людей. А вот мама...

– Что мама?

– Боюсь я за нее, вот что! – почти крикнул я.

– Не бойся, – сказал дядя. – Я хорошо ее знаю. Твоя мама – женщина редких способностей, она следователя из Нового Пекина два месяца водила за нос и обвела-таки, что ей ваша местная полиция? Ты удрал в буш, никого не спросясь, бросил на нее все хозяйство, она тебе всыплет ремня хорошего, когда ты вернешься, – вот и весь ее сказ. Она отлично умеет играть дурочку и стоять на своем. Нет, твоя мама не проболтается и не пострадает, это я тебе говорю. О себе лучше подумай. Кстати, семейство твоего Джафара не состоит ли с кем-нибудь в кровной вражде?

– Нет. Точно нет. Я бы знал.

– И он не имел возможности разболтать, куда вы направились с вашей фермы?

– Никакой.

– Ладно, запишем в загадки. – Дядя морщил лоб, двигал кожей черепа, и ежик черных с проседью волос ерзал туда-сюда. – А загадки такие мне сильно не нравятся, вот что я тебе скажу по секрету. Дерьмовые это загадки. Кто убил твоего приятеля? Чем убил? Кого он хотел убить на самом деле? Почему? Теперь уже точно придется тебе на какой-то срок стать Ахиллом Кособрюховым...

– Плевать кем, – твердо сказал я. – Мне надо знать, кто убил.

– Много ты узнаешь, если тебя тоже убьют? – парировал дядя. – Главное, не видно мотива... Поверь мне на слово, такие загадки – самые трудные, иногда они вообще не разгадываются. Я, конечно, наведу справки, где смогу, а ты уедешь. Сегодня ночью.

– Прямо сейчас? – растерянно спросил я.

– Ну зачем же сейчас? До рассвета еще далеко... Это не ужин ли там горит? Тащи горшок сюда, тебе перед дорогой подкрепиться надо.

При мысли о еде меня едва не стошнило. Я притащил с кухни обернутый полотенцем горячий горшок, старательно глядя в другую сторону, борясь с желудком и стараясь не дышать, чтобы не чувствовать запаха рагу.

– Пожалуй, я на двор выйду...

– Только не на двор. – Дядя быстро сообразил, что со мной творится. – В уборную двигай, раз такое дело.

Я поспешил по указанному адресу. Там мне не пришлось прибегать к помощи двух пальцев, меня и без них вывернуло наизнанку. А потом еще и еще раз.

Если кто-нибудь пренебрежительно скажет вам, что мужчина-де не должен позволять нервам брать верх над желудком, – плюньте ему в лицо. Много он понимает. Да и не нервы во мне выиграли, а воображение. То, что я увидел на подушке в спальне, еще долго стояло у меня перед глазами.

Когда я вернулся, утирая глаза, дядя с аппетитом поедал дымящееся рагу. Мне сразу захотелось обратно, но я справился, без разрешения нацедив себе пива и выпив полный стакан.

– Вот и хорошо, – сказал дядя, – но больше не пей. Сейчас пожем немного и будем собираться. Ты должен уехать не позже, чем за два часа до рассвета, а то у меня не останется времени похоронить твоего Джафара по-человечески. Заодно не мешало бы разобраться, из какого оружия стреляли – дырка в стекле очень уж аккуратная, края не оплавлены, а осколков я не видел. Кстати, будет лучше, если ты скажешь семье своего приятеля, что он погиб на Дикой территории. Где, говоришь, вы встретились с котом? Имей в виду, кот убил Джафара, а ты застрелил кота, после чего похоронил приятеля на той же поляне...

– Там не было поляны.

– Мне наплевать, что там было, – веско сказал дядя. – Ты похоронил его на месте, потому что не мог доставить тело родным, а кроме того, у мусульман принято хоронить покойных в день смерти, до заката. Обо всем этом ты расскажешь его семье. Не завидую тебе, но это надо сделать.

Я тоже себе не очень-то завидовал.

– А если его отец, или братья, или кто-нибудь еще попросят меня показать могилу?

– А ты ее найдешь? – спросил дядя.

– Думаю, что найду, – почти уверенно ответил я. – В смысле, найду то место, где кот напал.

– С твоей памятью тебе в университете надо учиться, а не в террористов играть, – заявил дядя. – Поводи их по лесу и скажи, что не нашел. Трудно, что ли?

Я молчаливо согласился с ним. Если дойдет до поисков могилы, придется так и сделать. Может быть, когда-нибудь потом я открою родным Джафара правду, но не сейчас. Во-первых, это горькая правда, а во-вторых, они точно дров наломают.

– Не хочешь есть? – спросил дядя, отодвигая от себя тарелку. – Ну ладно, в дороге Наверстаешь, я тебе соображу какой-нибудь шамовки. Теперь иди, собери свои вещи.

Вещей у меня было немного, так что управился я быстро. Зато дядя подошел к делу основательно, снабдив меня провизией дней на десять пути – консервы, сухари, дорогие сублимированные продукты новопекинского производства, а к ним в придачу копченый свиной окорок.

– Тут я кое-что для себя приготовил, если вдруг придется спешно уносить ноги, – объявил дядя, выволакивая из кладовки большой заплечный мешок, – да не все из этого тебе надо. Сейчас поглядим, что тебе пригодится...

Он вытряхнул содержимое на пол. Я обомлел. Если бы мне предстояло скитаться неизвестно где неведомо сколько времени и если бы в моем распоряжении имелись солидные средства и годы на подготовку, то и тогда я не сумел бы подобрать снаряжение столь оптимальным образом. Чего тут только не было! И вместе с тем – никакого излишества.

– Обыкновенный набор земного космодесантника, – улыбнулся дядя, заметив мою отвисшую челюсть. – Ну, правда, добавлено кое-что. Я ведь не космодесантник, я лояльный государственный служащий...

Новая улыбка.

С досадой на свою бестолковость я понял, что недооценил дядю Варлама. Служащий – да, но лояльный ли? «Каждый поступает, как может», – говорил Фигаро. Похоже, дядя кое-что мог и на службу к Администрации пошел неспроста.

– Та группа «Укоренение», – понизив голос, спросил я, – она что, правда, не возродилась после разгрома?

– Абсолютно, – подтвердил дядя. – И это правильно. Вообще не нужно никаких подпольных групп и тем более никаких названий. Я же тебе говорил, что наше время еще не пришло. Что лучше всего делать в такой ситуации? Медленно, но верно приближать это время с самой верноподданной физиономией или попусту скрежетать зубами от злости да палить в толсто-пятов из рогатки?

– А если не из рогатки? Тот стрелок...

– Удачно получилось, не спору. Поставить земного министра и нашего премьер-губернатора в смешное положение – это удача. Но стрелял одиночка, кем бы он ни был, потому и успех этот случаен. Ни я, ни твоя мама, ни другие патриоты Тверди здесь во всяком случае ни при чем. А теперь прикуси-ка язык, мне надо подумать над тем, что из этого баракла тебе пригодится.

Многие взрослые воображают, что жизнь подростка сплошь состоит из чудесных открытий и вообще замечательна. Доведется вам услышать такое мнение – не спорьте. Оставьте дурака в покое, он безнадежен. Я просто спрошу вас: какому подростку понравится, когда ему велят прикусить язык?

Мне не понравилось. Но я ничуть не обиделся на дядю – он был в своем праве. Он открыл мне кое-что и доказал, что ох, как непрост! А я-то, лопух, чуть было не начал презирать его за карьеризм и ревностное служение Администрации...

Не такое уж оно и ревностное, если копнуть глубже. А что до карьеризма, то он, во-первых, усыпляет подозрения, а во-вторых, чем выше человек взобрался по социальной лестнице, тем больше может сделать полезного. И есть еще в-третьих: кто возглавит наш народ, когда (и если) Твердь станет независимой планетой? Родители Джафара, что ли? Или старый Лин?

Тем временем дядя раскладывал вываленные на пол предметы на две кучки. Мне досталось множество полезных мелочей – от стимуляторов и таблеток для обеззараживания грязной воды до ноктовизора и маленького курсопрокладчика-навигатора, каким у нас пользуются туристы с Земли, чтобы не заблудиться в джунглях или горах и какой они не любят за неточность. Скажите, пожалуйста, – ошибка в тысячу-другую шагов их не устраивает! Нам хватает, а они смотрят на нас как на дикарей. А кто в том виноват? Кто до сих пор не обеспечил Твердь навигационными и прочими космическими спутниками? Сами-то мы доросли пока только до паровоза.

Потом дядя спросил, сколько у меня патронов, слазил куда-то наверх и добавил мне еще – пулевых, с крупной дробью и с картечью. Дядино охотничье ружье было точно такой же марки, как мое, только модель поновее, а патроны те же.

– Живо собирай все это.

Я управился быстро, а потом взглянул на часы. Ночь – настоящая ночь, а не глубокий вечер – еще только начиналась. Не самое лучшее время пускаться в дальний путь. К тому же Штернбург совсем рядом, а горожане – странный народ, ложатся поздно и встают, конечно, тоже не с рассветом. По мне, пусть бы они дрыхли хоть до полудня, но ложиться спать ближе к полуночи – это перебор и извращение. Только мне (и дяде) не хватало, чтобы меня кто-нибудь увидел!

– Пойду седлать? – спросил я на всякий случай.

– Позже, – отрезал дядя, развеяв мои опасения. – Примерь-ка вот это.

Он протягивал мне полоску из цветного пластика с небольшими нашлепками вроде плоских таблеток. Я знал, что это такое. Ментопередатчик с менторедуктором, самая простая модель, пригодная для полевых условий. У нас в школе болтали, будто бы в Новом Пекине один элитный лицей уже полностью перешел на ментообучение, но до нас это еще когда докажется, так что от гарпий вроде дамы Фарбергам нам еще долго не избавиться. А по-моему – никогда. Не могу себе представить, как можно ментообучать музыке и хоровому пению. Но что касается дисциплин, требующих большого объема знаний, – штука, говорят, полезная.

Я обернул полоской голову и закрепил липучкой под подбородком. Дядя велел мне подождать и довольно скоро вернулся.

– Вот, подобрал тебе кое-что. Школу это тебе не заменит, но хоть не будешь выглядеть олухом, когда вернешься. Ну и немного сверх программы для общего развития. Ложись на пол.

– Зачем еще?

– Хочешь упасть во время гипнопогружения? Падай.

Тогда я лег. Дядя сделал что-то с охватывающей мою голову полоской и вышел, задув свечу.

Карлик клонился к закату, когда я вышел за ворота дядиной фермы, ведя лошадь в поводу. После сеанса ментопедагогики моя голова тупо ныла, но я старался не обращать на это внимания, да и дядя сказал, что это обычное явление, скоро пройдет. Глаза быстро привыкли к полутьме. Шагов двести я отшагал пешком, после чего решил, что уже безопасно, и взобрался в седло. Зараза принялась было громко фыркать, но получила по ушам, замотала головой и заткнулась. Дорога была пустынная, чего и следовало ожидать. Какие у нас дороги? Проселки. Уже в часе езды от Нового Пекина или, допустим, от нашего Степнянска заканчивается отсыпка, а дальше идет либо тракторная колея, либо просто – напросто вытоптанная копытами и обильно унавоженная полоса препятствий. Ну а в городках вроде Штернбурга такие дороги начинаются от самой окраины, да и в самом городке улицы немногим лучше. В сухой сезон – пыль, в дождливый – грязь непролазная. Случайных встреч с людьми я не боялся, потому что только ненормальному придет в голову ездить ночью. Ночные звери – иное дело. Заряженное картечью ружье я держал поперек седла, вертел головой, высматривая малейшее движение в придорожном пейзаже, и внимательно отслеживал поведение Заразы. Лошади умнее нас, они точно знают, что могут быть растерзаны и сожраны голодными хищниками, и протестуют против этого не так глупо, как мы, цари природы. Они просто осторожничают, а мы еще зачем-то негодуем, как будто от этого есть хоть какой-то прок.

С рассветом я немного расслабился; рассвет – не время хищников. Плохо было то, что я начал зевать, меня клонило в сон, но я точно знал, что сегодня мне придется обойтись без сна. Заблудиться я не боялся – дядя подробно описал мне дорогу до того лесничества. Трюхай потихоньку по проселку, а на развилках вспомни приметы – и не ошибешься. Пустое дело.

Провожая меня, дядя надавал советов, а под конец сказал:

– Знаешь, над чем тебе не мешало бы поработать?

– Ну? – не очень вежливо отозвался я. Предстояло назидание, а кому приятно их выслушивать? Не знаю таких ненормальных.

– У тебя лицо краснеет, когда ты волнуешься или злишься. Надеюсь, это возрастное – чересчур горячая кровь.

– Это плохо? – с вызовом спросил я.

Дядя пожал плечами.

– Да имей ты хоть зеленую кровь, мне-то что? Твои проблемы. Беда в том, что, когда у тебя красное лицо, ты тут же принимаешься нести чушь и действовать очертя голову. А голова должна быть не просто холодной, а ледяной, запомни это. Ледяной. Ты когда-нибудь видел лед?

– Один раз. В школе нам показывали, там специальный холодильник.

– Найди случай еще разок поддержать его в руках. Научишься холодно мыслить – тогда из тебя, может быть, что-то получится. Теперь иди. Дорогу помнишь или еще раз повторить?

– Помню.

– Найдешь там Рамона Данте, он будет в курсе. Ну, марш!

И никаких тебе пожеланий счастливого пути. Вот такой он, дядя Варлам. Пища есть, снаряжения целая уйма, лошадка отдохнула, сыта и здорова – чего еще надо? И мама такая же. Это здорово, не каждому так везет. В нашем классе половина – городские чистюли, родители с них пылинки сдувают. Когда-то я лупил таких смертным боем, а потом по совету мамы решил, что незачем связываться с убогими.

Интересный все же человек мой дядя! Сказал мне, что Рамон Данте будет извещен, – а как? Неужели дядя не боится телефонной прослушки? Хотя, наверное, в том захолустье, куда он меня направил, мобильной связи нет и еще сто лет не будет. Туда небось и провод не проведен. Радиосвязь? Ну, не знаю. Можно допустить, что в лесничестве у неведомого мне Рамона Данте имеется радиостанция, но это значит, что у дяди Варлама есть незаконный передатчик. Хм... А собственно, почему это меня удивляет – особенно после того, что я узнал о дяде? Не спорю, есть необходимые законы – а есть и ненужные, с Земли к нам пришедшие и на землян рассчитанные. Вот пусть земляне перед ними и трепещут, а мы не станем. Еще есть постановления Администрации, нарушать которые твердианин, по-моему, просто обязан, если только он не тряпка. Так что все в норме.

Потом я стал думать о судьбе несчастного Джафара, и вся моя сонливость исчезла разом. Жаль парня, хоть он и не был мне близким другом. Хоть и заморочки он имел, да и умом не блистал. Наверное, вырос бы в обыкновенного фермера, отделился бы от родителей, потому что он не старший сын, распахан бы свободную пустошь километрах в ста от Степнянска, женился и наплодил бы детей, воспитав их в традициях своего адаптивного махдизма... Скудное будущее, но все-таки будущее. А теперь у него и такого не будет. Несправедливо.

Чем его убили – непонятно. А главное, неясно – зачем? Может, действительно перепутали его со мной? Но кому понадобилось устранить меня?

Не загадка, а темный лес. Ночные джунгли.

Наверное, с час я сладострастно представлял себе, что я сделаю с убийцей, когда доберусь до него. За это время солнце успело выкарабкаться из-за горизонта и сразу начало припекать. Дорога шла краем леса, слева – поля и пастбища, справа – зеленые джунгли стеной. Мой путь лежал на восток, солнце немилосердно светило прямо в глаза, но я рассчитывал воспользоваться тенью деревьев, когда оно взберется повыше и откочует на юг. Черта с два – прошел еще час, стало жарче, а раскаленный солнечный диск все так же упрямо маячил прямо перед глазами. Кромка леса загибалась к югу – здесь фермеры особенно усердно сводили джунгли, вогнав в Дикую территорию огромный тупой клин, – и дорога загибалась вместе с кромкой. Желтели поля. Кое-где над желтым морем взлетали и опускались крылья жаток – фермеры принялись за работу с утра пораньше, пока еще пекло не стало невыносимым. Один рачительный хозяин уже успел собрать урожай и теперь пахал быками свой участок, рассчитывая вырастить еще что-нибудь до начала сезона дождей. Стайка мелких копытных, попиравая всю ночь в овсах какого-то ротозея, перебежала мне дорогу и скрылась в зеленых зарослях, прежде чем я успел прицелиться. Навстречу мне пылил маленький трактор с огромным прицепом. Мирная картина, но скучная. И жарко.

Я привстал в стременах и осмотрелся из-под руки. Не до конца пересохшее русло небольшой речки петляло по отвоеванному у джунглей клину, и было понятно, почему люди так упорно продвигают свои поля в глубь Дикой территории именно здесь, – наверняка воду разбирали на полив до последней капли. Если я так и буду все время трюхать по дороге, то поверну вместе с нею на северо-восток как раз после полудня, а значит, опять не смогу укрыться от солнца. Вот ведь подлость. Головная боль не унималась и даже, кажется, усилилась. Приложив

ладонь к волосам, я чуть не отдернул руку. Этак недолго солнечный удар схватить. Я обвязал голову тряпкой, вылив на нее немного воды, и стал похож на разбойника из фильмов о земной старине. А кто виноват, что я не догадался попросить у дяди какую-нибудь старую шляпу? Он, что ли, виноват? У него и без шляпы забот хватало.

И что самое обидное – в лес убегали тропинки. Конечно, их протоптали всего-навсего сборщики дров, никакой дороги через джунгли здесь не могло быть. Мне еще предстояли два, а то и три дня пути через Дикую территорию, но не сегодня и не завтра. Хм... а почему бы мне, собственно, не сделать это прямо сейчас? Пожалуй, даже удастся немного срезать путь – конечно, принимая в расчет только расстояние, а не время в пути. Снаряжение у меня отменное, оружие есть, боеприпасов полно...

Кстати. Если сделать крюк к югу, то можно вновь оказаться в окрестностях Одинокой горы. Что там за Врата такие? На месте ли еще? В тот раз я не имел времени заняться ими как следует, но теперь-то меня никто не держит, никто мне не мешает...

Трактор с гигантским пустым прицепом пропылил мимо меня. Водитель – пожилой чернокожий – приветствовал меня поднятием руки. Я ответил вяло. С каждой минутой мысль свернуть на Дикую территорию казалась мне все более заманчивой.

Когда тряпка на моей голове высохла и как раз подвернулась уходящая в лес тропинка, я так и сделал.

Глава 6

Согласно известной у нас поговорке, чем глупее человек, тем лучше его понимает лошадь. Повинуясь наилегчайшему движению поводьев, Зараза с величайшей охотой сменила палящие солнечные лучи на тень и относительную прохладу леса, заодно поселив в моей голове сомнение: а не глуп ли я? В первую минуту я успокаивал себя: нет, не глуп, потому что в джунглях меня уж точно никто не опознает. Но вскоре я бросил эти потуги. Кому опознавать-то и на дороге? Кто знает меня в этих краях? Какое кому до меня дело? Лишенного особых примет человека не очень-то опознаешь по устному описанию, а если бы полиция разослала повсюду изображения наших с Джафаром физиономий, дядя сообщил бы мне об этом. Приходилось также признать, что и не палящий зной гонит меня на Дикую территорию – уж мы с Заразой как-нибудь перетерпели бы, не впервой. Врата – вот главное.

Чьи они? Десять к одному – земные. Даже сто к одному, потому что чьи же еще? Инопланетян каких-нибудь? Таковых в Галактике пока не встречено. Хотя, конечно, не исключено, что я отстал от жизни или что такого рода данные земные власти строго секретят. Или, может быть, гиперканал пробили к нам колонисты вроде нас, но только с другой планеты, обращающейся вокруг совсем другой звезды? Тоже вряд ли. Кто передаст им эту технологию? А технология, судя по тому, что Врата не привязаны ни к какому материальному телу, самая что ни на есть наиновейшая. Метрополия расщедрилась? Не надо рассказывать сказок. Сами додумались и создали? Да кто им даст сравняться с землянами? Колония – она везде колония, хоть у нас на Тверди, хоть еще где. Служи сточным коллектором для избытка населения метрополии, добывай для нее дефицитное сырье, паши землю, мечтай о доступных землянам благах и не рыпайся.

Значит, сто к одному за то, что новые Врата – затея метрополии. Тогда почему молчит Администрация? Ей полагалось бы трубить об этом ежедневно и помногу. Земля и Твердь, мол, едины. Совместными, мол, усилиями решаем грандиозные задачи. Два грузопотока вместо одного! Диаметр Врат! Пропускная способность! Возможность посетить прародину человечества! Туристические и деловые поездки! Импорт всякой земной всякости!

А нет ничего этого. Может, в метрополии решили не вводить Администрацию в курс дела? Но почему?

Кто-нибудь от большого ума сказал бы, что новый гиперканал наверняка чисто военный. А я спрошу: кому он нужен? Твердь – лояльная колония, особенно если смотреть на нее со стороны не очень пристально, и народные волнения у нас бывали только на почве голода, да и то среди новопоселенцев. Не все из них умеют работать, да не все и хотят. Бестолковый народ. Многие воображают, будто в райское место попали, где повсюду изобилие, только руку протяни. А в итоге пошумят-пошумят, пошвыряют камнями в полицию, поймут на личном опыте, что лучше так не делать, залечат телесные повреждения, да и возьмутся понемногу за работу. Кто поумнее, тот сразу с этого и начнет, а лет через десять уже будет смахивать на нормального твердианина. О социальном пакете у нас только в школе услышишь на уроках землеведения и поржешь, конечно, над очередной земной несуразностью. А у нас на Тверди так: хочешь жить – работай, иди на фабрику или паши землю, здесь ее предостаточно. Ну, слабые, глупые и фатально ленивые поумирают, как же без этого. Нам же проще без балласта. Но никогда не бывало, чтобы с Земли на Твердь посылали какие-то воинские части для наведения порядка!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.